

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Выпуск №1

Содержание

Подход к исследованию субкультуры

Олег Мальцев

4

Мама Ндрангета

Анна Филиппова

12

Символика и атрибуты в субкультурах

Ирина Лопатюк

14

Чи достовірні джерела з історії церкви

Людмила Філіпович, Олександр Саган

16

Почему Бодрийяр, почему сегодня?

Эндрю Маклаверти-Робинсон

26

Мифологема — фундамент сознания и главный фактор формирования менталитета

Марина Ильюша

32

«Экспедиционный корпус» и методология исследования городов

Олег Мальцев

34

Подход к исследованию субкультуры

Относительно такого понятия как «субкультура» в научном мире существует плюрализм мнений. Субкультуры — предмет осмысления и научного интереса междисциплинарного порядка; так, субкультуры исследуют не только социологи, историки, психологи, антропологи и философы, но также маркетологи и бизнес-консультанты, в силу того, что влияние субкультур в XXI веке становится всё более всепроникающим и масштабным.

В рамках данного тезисного доклада предлагается рассмотреть ключевые методологические рекомендации, разработанные доктором Олегом Мальцевым и апробированные в ходе многолетних экспедиционных исследований научным департаментом «Экспедиционный корпус» Института Памяти.

С целью выявления, чем непосредственно «субкультура» отличается от прочих понятий и формаций (например, от религиозного движения), посредством прототипологического, сравнительно-сопоставитель-

ного, историко-дескриптивного анализа и прочих методов эмпирического исследования, было разработано 10 параметров, позволяющих исследовать субкультуры и делать обоснованные выводы о том, соответствует ли изучаемое явление категории «субкультура». Безусловно, у каждого объекта, явления, категории существует характерная и только ей присущая система дифференцирующих признаков, однако такая система параметров, свойственная субкультурам, впервые была осмыслена и представлена в виде методологического исследовательского каркаса.

Итак, по каким признакам возможно распознать и отличить субкультуру от иных категорий? Ответ на данный вопрос — ключевой предмет исследования данного тезисного доклада.

Параметр No 1. Идея

Любая субкультура имеет в своей основе идею. Причём данная идея всегда выражается одной простой формулировкой. Даже

если на начальном этапе формирования субкультуры существует идея, а формы её выражения ещё не существует, сами последователи субкультуры облекут идею в простейшую форму. Формулировка такой идеи обычно занимает менее 60 секунд.

В качестве первого примера знакомства с идеей субкультуры рассмотрим кинофильм «На гребне волны» (2015 г. производства, режиссёр Эриксон Кор). Так, уже на плакатах и в подписях к трейлеру обозначена простая мысль или «слоган» ленты: «Найди свой предел» ('Find your breaking point'). Идея объясняется изначально: некий «легендарный японский экстремал» Оно Озаки поставил перед миром экстремального спорта задачу пройти восемь крайне сложных испытаний. Тот, кто пройдёт восемь испытаний достигнет нирваны.

Идея понятна: достижение нирваны. Всё прочее — кинематографический антураж.

Во всех субкультурах идея выражена ярко и она понятна всем. Идея весьма простая, формулируется коротко, нередко в одно предложение.

ИДЕЯ — и есть это **первое отличие субкультур от прочих явлений**. Допустим, рассмотрим такую субкультуру как «хиппи». Какова идея хиппи? В 60-70-х гг прошлого столетия в США о ней знал, наверное, даже десятилетний школьник: «Make love, not war!», что означает: «Занимайтесь любовью, а не войной!».

Другими словами, да здравствует любовь, нет войне. Об этом ещё спели не раз: «All You Need Is Love!» — «Всё, что тебе нужно, — это любовь!» — так было у The Beatles; «Give Peace A Chance» — «Дайте миру шанс» — так пел Джон Леннон. Любовь превыше войны, пацифизм, свобода секса, и вообще, любая свобода — это величайшая драгоценность.

Пример с хиппи ещё раз демонстрирует, что первый признак, по которому вы легко сможете отличить субкультуру — это простая идея. **Идея в любой субкультуре всегда выражена чётко**. Нередко — в одном предложении, в одной истории, в одной легенде.

Параметр № 2. У субкультуры нет священников

Священнослужителей не существует. Однако в субкультурах есть иерархия, и это — иерархия авторитетов.

По факту, в субкультурах нет «специально обученных» толкователей, учителей или интерпретаторов, нет отдельной касты. Вообще в субкультуре никто не ставит себе задачей кого-то «образумить и научить», напротив, никто ничего не объясняет и не навязывает.

В субкультуре практически всем всё равно, как или каким образом следует реализовать главную идею субкультуры (у каждого представителя собственное понимание, восприятие и воззрение). В частности, если кто-то убеждён, что байкер — это тот, кто рулит на байке исключительно на переднем колесе, — он имеет на то право. В субкультуре никто никому ничего не должен доказывать, каждый выбирает и решает сам.

В субкультуре люди находятся, не потому что они грешны, или оттого, что им не хватает по жизни каких-то благ. Нет, в субкультуре люди потому, что у них, во-первых, есть собственные убеждения, а во-вторых, хочется находиться в кругу единомышленников. Поэтому байкер, например, в любой момент времени может сесть на мотоцикл и уехать, куда глаза глядят, когда ему заблагорассудится.

В субкультуре людям, по факту, всё равно. Никому нет дела, человек сам за себя отвечает, как и все. В субкультурах определённо существуют мнения, которые облают неким весом — и это мнения авторитетных людей данной субкультуры. Авторитетное мнение отличается полезностью — именно пользой, которую может извлечь из мнения каждый желающий участник субкультуры.

Так, главный критерий «мнения» в субкультуре — полезность его сути для всех людей, находящихся в субкультуре. И если мнение человека пользу приносит, — к такому прислушаются, если нет — то могут и спросить. В субкультурах практически не бывают ситуаций, когда кто-то что-то посоветовал просто так, например, «молись и всё будет хорошо!» И вот чудак шёл, молился, а его взяли и зарезали на пороге квартиры, ещё и ограбили. За такого рода «советы» в субкультуре спросят, в частности, вопросы зададут конкретные, и попробуй не ответь. Обещал, что в результате совета всё будет хорошо? Вот и где это «хорошо»? И не получится отговориться на манер «...а это всё мысли были неправильные, вот провидение и покарало!» — не стоит рассчитывать, что подобные формулировки сработают.

Суть принципа: мнения, приносящего пользу участникам субкультуры, и делают автора такого мнения авторитетным человеком. Всё просто: если твои слова пользу приносят, всем, ты становишься авторитетом. Или, что лучше, если твои поступки пользу приносят — также становишься авторитетным человеком. А нет никакой пользы, значит, ты такой же как все. Следовательно, и обращать какое-то особое внимание на такого индивида — нет желания.

В субкультурах люди объединены вокруг идеи. Идея выступает осью вращения этой группы лиц. Помимо того, что вокруг некой идеи объединено определённое число людей, все эти люди к чему-то стремятся, поскольку саму идею требуется как-то реализовывать. И по сути, мнения, догадки и представления, которые витают в субкультуре, относятся к тому, как реализовать главную идею наилучшим способом и образом.

В том же кинофильме «На гребне волны», в одной из ключевых сцен есть такая фраза: «Может я к чему-то стремлюсь!». Агент Джонни Юта даже заявлял, что стремится к «восьмёрке» — завершить восемь экстремальных испытаний Оно Озаки. На что и получил ответ: «Это легенда, миф...». Далее между героями завязывается диалог, суть которого — обмен мнениями лиц внутри одной и той же субкультуры. И заметим, неважно, что некая «восьмёрка» — это миф, равным счётом невидимая идея. А вот мнение о том, как пройти восемь испытаний, как это сделать (важно в живых остаться) произрастает из уже известной практики. Так, **любая субкультура движется от практики к теоретизации**. Иными словами, в субкультуре разговаривают и рассуждают те, кто что-то сделал, кто добился чего-то выдающегося. Другие, даже если и высказываются, к их мнениям редко прислушиваются.

Например, если байкер на мотоцикле весь мир объехал, кругосветку совершил — это крайне интересно; у людей к нему появляются вопросы о том, какие особенности, с кем встретился, какой менталитет у людей, а может, какие проблемы были, будь то плохие дороги или несговорчивые сотрудники таможни. Итак, промежуточный вывод: в субкультуре движение выстраивается от практики к теории. То есть теоретизируется только нечто пережитое, пройденное, то, что может оказаться полезным впоследствии. Нет теории без практики.

Параметр No 3

Один из самых явных и ярко выраженных признаков, по которому вы всегда отличите субкультуру — это **отсутствие отбора**. Так, в субкультуры не «набирают» и не «отбирают». Человек сам, без посторонних лиц, **определяет, к какой субкультуре быть приверженным. Он сам решает, кто он: неформал, скейтер, толкиенист или гопник.**

Также не имеют значения расстояния, государственные границы и даже знакомства. Так, совершенно разные люди могут находиться в одной и той же субкультуре.

Металлисты, эмо, байкеры — они живут и в Нью-Йорке, и в Киеве, живут и даже не знают друг друга, но при этом не перестают быть объединёнными вокруг одной центральной идеи.

Параметр No 4

Субкультуре больше **свойственны места, нежели здания**. Например, у байкеров — байкхаусы, у танцующих вог — дома, у ролевиков — от студий до конвентов. Речь идёт непосредственно о доме, а не храме. Храмы субкультурам не свойственны вовсе. Как они объясняют, что такое байкхаус? Это некая гостиница, какое-то помещение, дом, где можно сидеть за столом, жарить барбекю, спать, разбирать байк и т.д. И в таких домах люди собираются люди по интересам и занимаются чем-то простейшим, что к духовному чуду не имеет никакого отношения. Байкхаус — будто второй дом, в котором можно и поесть, и отдохнуть; аналогию можно провести с понятием «штаб». Великие храмы или мистические святилища, открывающие двери для прихожан раз в сто лет — это точно не про субкультуру.

Какой дом организовывать, стоит ли его обустраивать, с одной стороны — это личное дело каждого. С другой же стороны, не существует никаких контрольных учреждений, которые «надзирают за исполнением несуществующего приказа завести ДОМ». Итак, субкультурам свойственны некие места, но не свойственны храмы, и это ещё один отличительный признак.

Параметр No 5. Символика и атрибуты

Так или иначе, всем субкультурам, без исключения, присущ некий символизм. Символика в субкультуре богатейшая! В качестве примеров рассмотрим татуировки. Представители субкультур нередко выбирают символы по принципу «мне нравится, это круто/мощно выглядит!» В частности, богатейшее символическое наследие кельтов — от антропоморфных орнаментов из птиц, змей и деревьев, до накрест сложенных секир — сегодня в качестве тех же тату предпочитают набивать представители самых разных субкультур: от пацифистов до рейверов, от байкеров до сатанистов. Контроля за тем, чем и как в субкультуре формировать собственный образ просто не существует.

Пытаться анализировать символическую составляющую, отражённую во внешнем облике и антураже человека и искать в этом тайный, поддающийся логике

смысл — занятие тщетное. В дебрях анализа можно «потеряться» в попытке распутать клубок, например, из тюремных наколок, вперемежку с индийскими или малазийскими символами. То есть, с чьей-то субъективной точки зрения в таком сочетании логики нет, просто абсурд. Но с точки зрения представителя субкультуры — это особая история, и логика в ней присутствует, его собственная.

Символы могут быть выбраны совершенно из разных культур и эпох. И норманнский волк может «сидеть» на правом плече того же байкера, а центрально-африканский тигр — на левом. Каждый представитель субкультуры имеет собственное представление об идее, к воплощению которой он стремится. И сопутствующий символизм и атрибуты — его личное выражение.

Итак, логика субкультуры обосновывает её центральную идею. Отражают эту идею и обоснование **атрибуты и символы, которые можно разделить на две категории:**

1. Общие отличительные символы.
2. Личные символы и атрибутика.

Допустим, существует байк-клуб. У этой субкультуры есть и идея, и атрибуты,

и даже герб клуба, который они в виде нашивок носят на куртках. Все приведённые в качестве примера атрибуты — общие, они позволяют Байк-клуб «А» отличить от байк-клуба «Б». Но каждый отдельный байкер этого же байк-клуба по-своему, особенным образом выражает идеи субкультуры посредством собственных атрибутов, которые присущи только ему (от кулонов до татуировок).

По факту, каждый из этих людей имеет и общие, то есть обязательные атрибуты — то, что его визуально подтверждает принадлежность к субкультуре; с с другой стороны у каждого представителя — своя собственная атрибутика, которая выражает вот некую идею с его личной точки зрения.

Параметр № 6. Блок-направления

Субкультуре свойственны определённые внутренние направления или «блоки», и в отличие от религии — это обыденная и допустимая практика. То есть, если бы в религии появилось какое-то блок-направление, его бы моментально назвали «ересью».

В субкультуре может одновременно сосуществовать даже 30 направлений; ка-

кие идеи исповедовать — сугубо личное дело каждого представителя.

Как возникают или образуются блок-направления внутри субкультуры? Рассмотрим некую группу лиц в субкультуре. Допустим, среди них существует авторитет, который имеет мнение относительно ведущей идеи субкультуры. Ряд лиц разделяет данное мнение и считает его полезным и эффективным. Однако таким же способом в другой группе иное авторитетное лицо выдвигает другое мнение. Обе группы лиц, оба авторитета — части одной субкультуры. Но направленность авторитетных мнений относительно достижения и реализации центральной идеи — совершенно разная, что и определяет формирование разных блоков. И таких блоков внутри одной субкультуры может быть бесконечное множество.

Параметр No 7

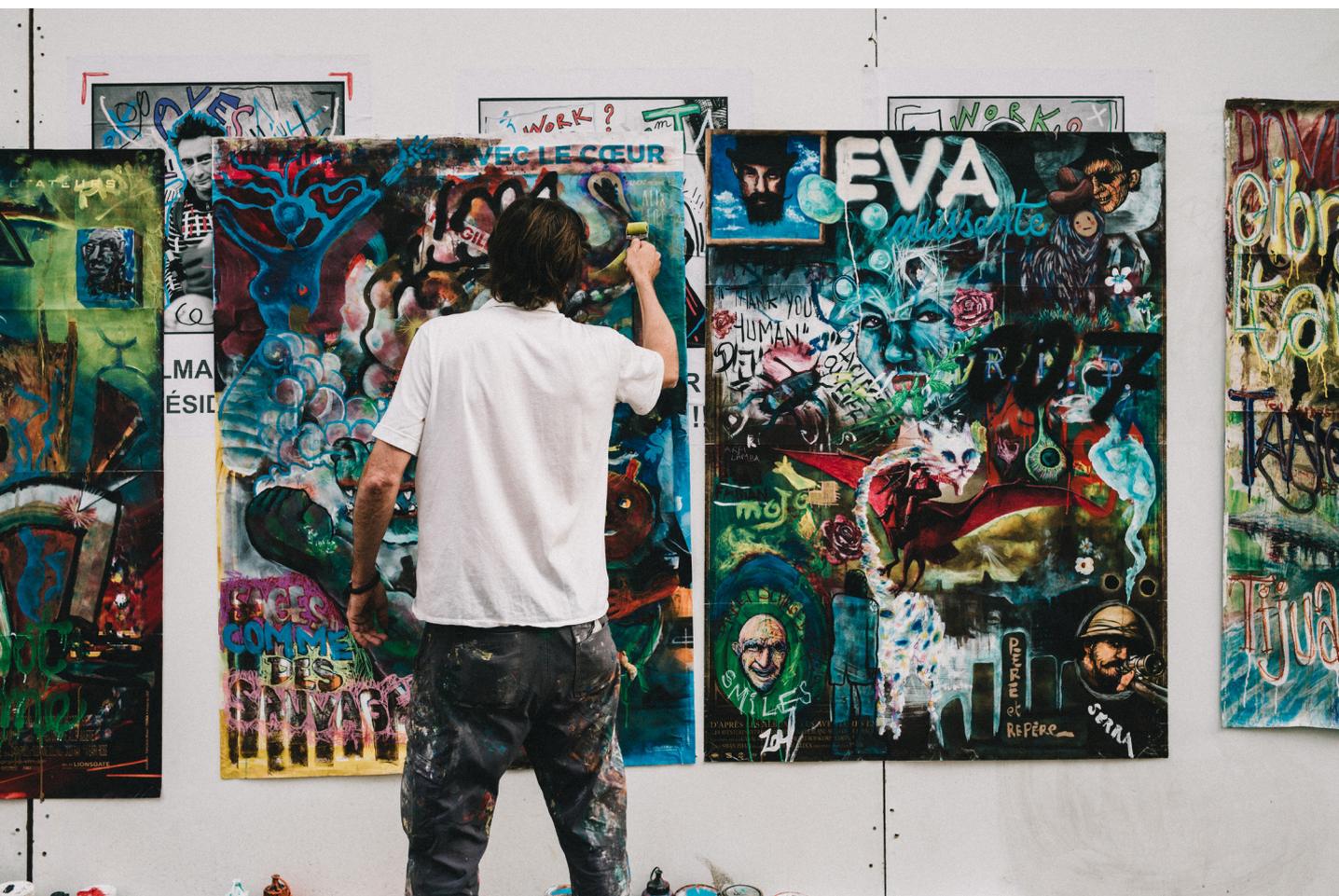
92 процента субкультур — это результат синтеза. Смешение идей и концепций присуще этапу формирования и самоопределения субкультуры. Рассмотрим следующий пример: допустим, некий человек увлекается идеями Карлоса Кастанеды.

Прочитав «Сказки о силе» или «Путешествие в Икстлан» (в общем, даже не все книги К. Кастанеды, а что-то выборочное), этот человек вдохновляется свежими идеями. При этом не меньше учения дона Хуана он любит мотоцикл. Далее в разуме данного человека удивительным способом сочетаются мотоцикл и идеи Карлоса Кастанеды, превращаясь в единое целое «свободного байкера, совершающего путешествие к ущелью Силы» — так и срабатывает синтез. Что не менее любопытно, такой человек непременно находит единомышленников, для которых «жизненное кредо» — это полет на мотоцикле в пропасть, который позволит обратиться в ворона и стать путешественником между мирами.

То есть, обычно, при исследовании субкультуры вывод таков: субкультура сформирована методом синтеза нескольких концептов, соединённых вместе.

Однако, существует и 8% субкультур, которые не являются продуктами синтеза. Например, отдельная идея, как некий «саженец» (аналогия) переносится на новую почву (например, дельтапланеризм) без изменений, то есть, без синтеза.

Так, обычно, всё начинается с поиска смысла жизни, и когда смысл жизни об-

ретён (то есть, понят), это порождает метаморфозы в стиле жизни.

Параметр No 8. Идея смерти

Отношение к смерти определяет отношение к жизни. Большинство субкультур идеи смерти осмысливают как перевоплощение. Иные перевоплощаются в птиц, а затем обратно, в людей; иные выходят из сансары новым человеком; иные проникают в тайны реинкарнации. Обыкновенно наблюдается некий круг перевоплощения, состоящий из трёх блоков. Опять-таки обратимся к наглядному примеру хиппи. Они заявляли, что могут выбрать даже родителей, опираясь на идеи Бардо Тхёдол, книги Мёртвых. А значит, вопрос «когда они умрут» больше не имеет значения, потому что как только умрёшь, вскоре оживёшь, вернёшься обратно. Поэтому многие из хиппи не чурались наркотиков, беспорядочных половых связей, безалаберной праздности и так далее. И хотя немало представителей субкультуры хиппи с 1960–70 гг. умерли от передозировки или венерических заболеваний, от этого идеи хиппи не умерли и не исчезли. Лишь бы не было войны! По сути, идея о том, что человек может сам распоряжаться собственной смертью, была главной в субкультуре хиппи. И, конечно, хиппи в данном случае — один из примеров. Идея смерти в каждой субкультуре осмысливается так или иначе.

Параметр No 9. Принцип взаимосвязи следующих понятий: «края» — «насос»

Пояснение начнём с проверяемых наблюдений. Пребывание в среде субкультуры, сам поиск подходов и способов реализации некоей центральной идеи требует финансирования. Вы байкер? На одном энтузиазме далеко не уедете. Вы обожаете парашютный спорт? Прыжки сами по себе требуют средств и денежных вливаний. Как минимум, топливо для самолета или вертолета тоже требует финансовых ресурсов. Что важно отметить: у субкультур так называемый люфт добывания тех самых финансовых ресурсов гораздо объемней и шире, чем совокупность каналов финансирования, чем, например, у любой религиозной структуры.

Если внутри субкультуры и существуют правила, они могут быть изменены и даже нарушены. Разные представители субкультур продумывают и изобретают новые каналы или «люфты», в том числе, противоречащие общим положениям этики и морали, даже букве закона. Так, члены

субкультур нередко идут на преступления: занимаются преступным бизнесом, продают наркотики и оружие. Обналичивание денег может происходить посредством выращивания конопли и продажей запрещённых товаров и т.п. подобное. По факту, мы могли бы сравнить эту «добывающую» функцию внутри субкультуры с насосом, который постоянно требует денег, причем нередко быстрых денег. А «быстрых денег», как кроме как разными несвойственными законопослушному обществу способами, не заработаешь. Поэтому многие в субкультурах зарабатывают «как-то иначе». И нередко сама финансовая структура выступает главной тайной субкультуры.

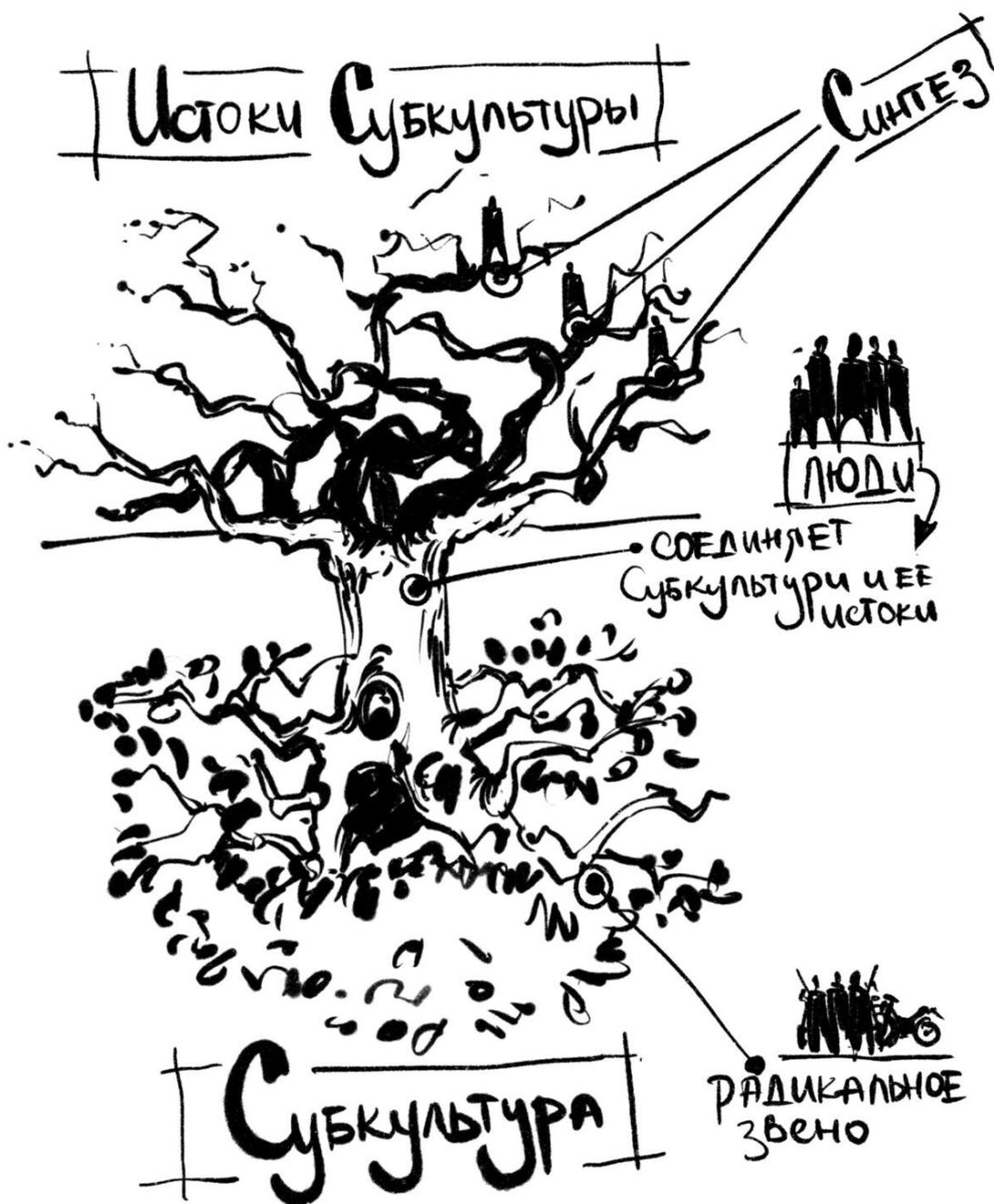
Этико-морально-ценностных ограничений, на манер религиозных догматов «не убий, не укради, не прелюбодействуй» обычно в субкультурах нет. И напротив, обоснование, почему «можно» или «дозволено» перейти за черту закона, — в наличии. Нередко субкультура покоится на немалом числе оправданий, почему возможны те или иные поступки, противоречащие нормам государства и права. И, тем не менее, часто люди готовы к этим «крайностям». Таковая готовность при наличии заранее обеспе-

ченного оправдания и люфтов добывающей функции и именуется «краями» — то есть, крайностями, на которые готовы последователи субкультур, чтобы обеспечить насосную функцию, «качающую» посредством помп тайной финансовой конфигурации необходимые ресурсы. Прекрасный пример реализации взаимосвязи «края-насос», в частности, показан в фильме «Затяжной прыжок», (англ. Cutaway) — американский боевик 2000 г., режиссёр Гай Манос.

В качестве вывода мы могли бы заключить следующее: ни одна структура в мире, не имеет объёма оправданий, равных субкультуре. В субкультуре генерируется целая система оправданий, почему «края» не

только приемлемы, но и важны; причина тому или всему виной, ранее упомянутые «быстрые деньги». В частности, чем занимались хиппи? Многие торговали наркотиками (что не является секретом). Среди хиппи были наркодиллеры. Для хиппи работать на «прогнившее государство» — невозможно. Грабить и совершать насилие? Исключено в любом виде. Остаётся только одно: «торговать дурью».

Естественно, в других субкультурах всё может происходить по-иному: кто-то мотоциклы продаёт, кто-то пишет музыку. Однако таковых «мирских» и общественно приемлемых занятий не всегда всем достаточно.

Параметр № 10

Финальный признак в исчерпывающем перечне признаков, посредством которых каждый сможет научиться в 100% случаев отличить субкультуру от любого формирования. Сама модель субкультуры. Любая субкультура в какие бы эпохи она ни процветала, всегда сравнима с деревом.

Итак, **модель субкультуры — это ДЕРЕВО**, у которого есть корни, ствол, ветви и так далее. Причём само по себе дерево растёт кроной вниз: корни его вверх, а крона — вниз. Именно эта модель «перевернутого корнями вверх» дерева максимально отражает целостность структуры и причины формирования «субкультуры».

Сообразно рисунку, отражающего модель явления и его устройства, мы и можем заключить, что крона дерева — и есть субкультура. Корни — её истоки. Некий ствол соединяет субкультуру и её истоки. По аналогии модели, люди и есть тот самый «ствол», что соединяют субкультуру и её истоки.

Ещё раз сфокусируем внимание на завязке фильма 2015 г. «На гребне волны». Корни субкультуры, известной от Оно Озаки «растут» из Дзен-Буддизма. Сам экстремал Озаки уже вне субкультуры, поскольку этот человек умер. Он и есть тот самый некий «ствол», соединяющий субкультуру и исток. А сама субкультура — это люди, пытающиеся выполнить восьмёрку Озаки.

В кроне дерева субкультуры, словно яблоко в тени, скрывается некое радикальное звено, которое возглавляет некий Ботхи. Именно благодаря ему идеи Озаки были доведены до радикализма и крайности. Однако и это радикальное «блок-направление» является частью единой субкультуры экстремального спорта. Итак, любая субкультура устроена таким способом.

Модель дерева позволяет исследовать субкультуры, понимать её истоки, видеть те «непроявленные» характеристики и особенности истоки, о которых не смогут рассказать даже сами представители субкультур. У данного дерева также существует несколько корней, поскольку чаще всего, в 92% случаев мы имеем дело с синтезом как методом формирования субкультуры. Стержень или ствол субкультуры — люди, которые и реализовали синтез идей и смыслов и смогли его донести до других. Обычно такие авторитеты внутри субкультуры остаются героями, легендами, достойными примерами.

Итак, рассматривая подходы к исследованию этой мировой категории мы выявили 10 параметров или 10 признаков,

отличающих субкультуру от любого иного явления. От центральной идеи, вокруг которой в формировании «закручивается» субкультура, мы проследовали до главного механизма построения этой системы, выраженной в виде модели — перевернутого дерева, корни которого — истоки субкультуры, ствол — особые люди, авторитеты и герои, синтезировавшее или внедрившие идеи субкультуры, а крона — то, что сформировалось в конечном итоге — самоё субкультура во всей её полноте, динамике и многообразии, как явного, так и тайного.

Олег Мальцев

Академик Украинской Академии Наук, исследователь, психолог, криминолог, основатель НИИ Памяти, руководитель Экспедиционного Корпуса

Мама Ндрангета

В рамках подготовки к одной из экспедиций в Калабрию и на остров Фавиньяна под руководством академика, адвоката, PhD Олега Викторовича Мальцева была переведена на русский язык книга самого знаменитого калабрийского журналиста **«Мама Ндрангета» Арканджело Бадолати**.

До этого господин Бадолати лично встретился с Олегом Мальцевым в Калабрии для закрытого интервью и подарил для исследований книгу с личной подписью.

О чём книга «Мамма Ндрангета»

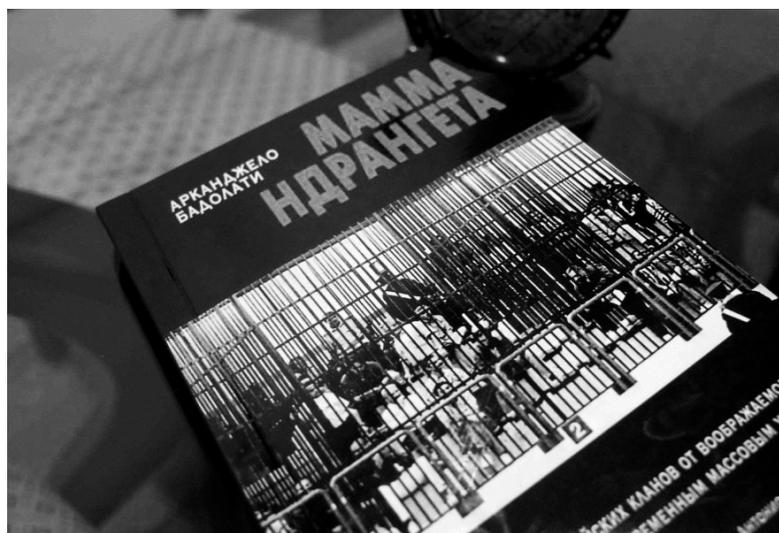
Автор представляет увлекательный рассказ о развитии и эволюции преступности с 9-19 в.в. История начинается с первых дебатов, посвященных «пиччиотерии» города Козенцы, которая, кстати, не прекратила своей деятельности и по сей день; плоды этой преступной деятельности проецируются и на нынешний день, проходя через «судьбы», сплетённые в Соединенных Штатах двумя Козентийцами — Франком Костелло и Джимом Колосимо, в Нью-Йорке и Чикаго. Бадолати также свидетельствует о связи Лаки Лучано и Калабрии, того самого «счастливчика» Лучано, крупного американского босса Коза Ностра.

В первой части труд «Мамма Ндрангета» опровергает гипотезы десятилетий, приписываемых историографией так называемому «отсутствию исторических традиций мафии Козенцы»; напротив, как показано в книге, первые тридцать лет прошлого века характеризуются как «период процветания мафии». Последующее развитие организованной преступности этого региона можно проследить по «плодам» таких представителей господ как Луиджи Ги Палермо, Франко Пино, Антонио Сены, Санто Карелли Франко Муто и Франко Перна. Анализируя деятельность этих личностей, автор ссылается на многочисленные документальные исследования. В конечном итоге сегодня, на основании проведённого расследования, многочисленных дискуссий и дебатов, Бадолати, как внимательный историк, представляет анализ фактов и обстоятельств, подкрепляя исчерпывающий вывод о картине преступности в Пеннино документальными свидетельствами.

На примерах двух волн «раскаявшихся» преступников, а также судебных сцен

громких процессов, которые характеризуют деятельность судебных органов городов Козенцы, Паола, Кастровиллари, Россаны и Катандзаро, автор рассказывает историю отношений «союзников» с правосудием, описывает динамику и мотивы совершённых преступлений. В частности, он объясняет, как в 2014 году деревенские банды реализовывали стратегию «диссоциации» во время судебного процесса «Гарден», получив значительные предложения о сотрудничестве с органами правопорядка. Стратегия «диссоциации», к слову, чрезмерно активно предпринималась сицилийскими боссами в начале тысячелетия. Наконец, Арканджело Бадолати раскрывает предысторию расследования, которая привела к поиску фантомного корабля с токсичными отходами у берегов Четраро. Это рассказ о том, как раскаявшийся Франческо Фонтти пытался сознаться и дать «истинные, чистосердечные» показания, которые в конечном итоге были категорически отвергнуты обнаруженными фактами.

Автор демонстрирует, как «источники» узнали о незаконном уничтожении ядерных отходов заместителем судимого компаньона, который был утвердителем, занимавшимся этим зловещим видом бизнеса. Соответственно, если мы намерены знать и изучать эволюцию мафиозных организаций в северной части Калабрии, мы не можем игнорировать таковые факты, равно как и интересные и незаменимые реконструкции, направленные на события, что предлагает пищу для размышлений на дорогах, чтобы «обуздать» наступление «Ндрангеты».

Прошло более ста лет с тех пор, когда преступные организации окутали северный район Калабрии. Путешествие в мир боссов и пиччиотти посредством «пиччиоттери», а затем и знакомство с «Ндрангетой», совершенным явлением, путём изучения экспертных мнений, архивных документов, публикаций, периодических газет и поиска, исследованием наследия великих журналистов, которые когда-то сделали фотографии самых значительных персонажей, доминировавших ранее над городами и регионами, временами сильно влияя и меняя параметры социального согласия с делами преступности.

Первая работа господина Бадолати, написанная 13 лет назад, называется «Тайны боссов», — это был первый в своём роде труд, посвященный мафии Брузии. В своей новой работе Бадолати прослеживает карту калабрийских банд и цепочку команд, которая определяет стратегии и интересы, подтверждающие существование двух «очагов преступности» — один в Чиро, а другой в Сан-Лука. Об этом стало известно из более поздних расследований, проведённых прокурорами антимáfии в Реджо и Катандзаро.

Автор также рассматривает литературу, посвященную феномену организованной преступности в Калабрии, уделяя особое внимание некоему автору Спасителю Монтальто, недооцененному и практически забытому, который сегодня известен по большей части благодаря своей самой главной работе — «La famiglia Montalbano», в которой он рассказывает о давнишнем существовании унитарной координационной структуры «Ндрангета» в провинции Реджо-Калабрия и о разделении этого региона на три «мандата». В частности, раздел, посвящённый испанскому обществу Гардунья, долгое время считавшийся эталонной матрицей, особенно интересен в работе журналиста и писателя, историка «Ндрангеты», о котором впервые говорит французский писатель, издавший труд под испанским псевдонимом Victor de Fereal в 1844.

Арканджело Бадолати проводит сравнительный анализ между внутренней иерархией еврейской общины, основанной согласно де Ферреал в 1417 году в Толедо, и Калабрийской мафии. Автор, впрочем, задаётся вопросом об истинном существовании Гардуньи, однако описывает принципы её деятельности, словно та функционировала в Испании реально. Дело в том, что на протяжении многих веков отсутствует какая-либо судебная практика или судебные процессы над этой еврейской общиной. По этой причине можно предположить, что не-

кая Гардунья может быть просто литературным изобретением французского писателя.

Книга Арканджело Бадолати «Мамма Ндрангета» — самая полная и исчерпывающая работа, написанная о преступных организациях в провинции Козенца.

P.S. Во время исследования калабрийской субкультуры и экспедиции на Юг Италии, академик Олег Мальцев работал с многими экспертами, такими как Антонио Никассо, Арканджело Бадолати и др, также были изучены многие источники. Один из них — труд «Мамма Ндрангета» сегодня увидел свет на русском языке. Перевод сделан только для внутреннего пользования на базе нашего Научно-Исследовательского Института.

Анна Филиппова

Символика и атрибуты в субкультурах

Человечество ищет символ, чтобы выразить себя

(Альфред Норт Уайтхед)

Одно из направлений исследования субкультуры — это символизм, присущий этой субкультуре. Атрибуты и символы — один из 10 параметров, позволяющих досконально изучить это сложное явление (10 особых признаков, позволяющих отличить субкультуру от прочих формаций и социальных групп, описаны в книге «Нарисуй субкультуру» PhD Мальцева О. В.).

Так или иначе, всем субкультурам, без исключения, присущ некий символизм. И даже когда его зрительно не замечаешь, это не значит, что он куда-то исчез. Просто всему своё время. Чуть ближе узнаете человека, и определённо обнаружите символы, которые ему «очень нравятся».

Символика в субкультуре богатейшая, поистине бездонная! В качестве примеров рассмотрим те же татуировки. Представители субкультур нередко выбирают символы по принципу «мне нравится, это круто/мощно выглядит!». Даже если изначально, в глубине веков под покровами истории символ, в XXI веке выбранный Джуди или Женей, не

имеет никакого отношения к современности. В частности, богатейшее символическое наследие кельтов — от антропоморфных орнаментов из птиц, змей и деревьев, до накрест сложенных секир — сегодня в качестве тех же тату предпочитают набивать представители самых разных субкультур: от пацифистов до рейверов, от байкеров до сатанистов. Вот любопытно, что бы подумали кельты, повстречай они того же панка или хиппи, которые могут быть в наколках, с ног до головы? Для кельтов символы имели религиозное значение; а какое значение они имеют для иных представителей субкультуры? «Мне просто нравятся тигр, якорь с канатами и дракон на всю спину. А вот тут арабской вязью у меня вытатуировано «Рождённый Волком»». Да, бывают и такие истории! О чем это свидетельствует: да представителям субкультур всё равно, что и где предписано и начертано. Контроля за тем, чем и как в субкультуре формировать собственный образ просто не существует. Понравился гусь? Вот и набил гуся, хоть на лопатки, хоть под коленом — это личное дело каждого.

Пытаться анализировать символическую составляющую, отражённую во внеш-

нем облике и антураже человека, и искать в этом тайный, поддающийся логике смысл, — занятие тщетное. Можно утонуть в дебрях анализа и попытке распутать клубок, скажем, из тюремных наколок вперемежку с индийскими или малазийскими. Иногда и вовсе под амулетом солнца, ако у Ярила, может скрываться татуировка с символами протоамериканской культуры. То есть с чьей-то субъективной точки зрения в таком сочетании логики нет, просто абсурд. Но с точки зрения представителя субкультуры — это особая история, и логика в ней есть, причём абсолютная.

Символы могут быть выбраны совершенно из разных культур и эпох. На правом плече байкера может «сидеть» норманнский волк, а центральноафриканский тигр — на левом. Каждый представитель субкультуры имеет собственное представление об идее, к воплощению которой он стремится. И сопутствующий символизм и атрибуты — его личное выражение.

В качестве примера снова обратимся к хиппи. Как хиппи обосновывали и поддерживали некий «огонь» центральной идеи? Собственно, не мудрствуя лукаво. В веках существует прекрасный миф или сказ о некоем герое по имени Падмасамбхава. И, улетев верхом на льве, оставил он не менее прекрасное наследие — Книгу мёртвых. Как-то впоследствии выяснилось, что Книга мёртвых абсолютно подходит для субкультуры хиппи. И начали её интересующиеся читать внимательно. Идея — попасть в сансару. Но как же это сделать? Просто так взять и очутиться в сансаре невозможно, не получается. А значит, требуется переходник. Например, ЛСД. И так, в одной руке — ЛСД, в другой — Книга мёртвых. И «да здравствует изменённое состояние сознания!» Абсурдно ли это звучит? Как считаете? Возможно, у вас зреет ответ «ДА». Но каких-то 50 лет тому назад для хиппи это было также логично, как и закон земного притяжения.

Итак, **логика субкультуры обосновывает её центральную идею.** Отражают эту идею и обоснование атрибуты и символы, которые можно разделить на две категории:

- 1) общие отличительные символы;
- 2) личные символы и атрибутика.

Допустим, существует байк-клуб. У этой субкультуры есть и идея, и атрибуты, и даже герб клуба, который они в виде нашивок носят на куртках. Все приведённые в качестве примера атрибуты — общие, они позволяют байк-клуб «А» отличить от байк-клуба «Б». Но каждый отдельный бай-

кер этого же байк-клуба по-своему, особым способом выражает идеи субкультуры посредством собственных атрибутов, которые присущи только ему (от кулонов до татуировок).

По факту, каждый из этих людей имеет и общие атрибуты, и собственные. Общие — обязательные атрибуты, то, что визуально подтверждает его принадлежность к субкультуре. С другой стороны, у каждого представителя есть своя собственная атрибутика, которая выражает некую идею с его личной точки зрения.

И может получиться и так, что у человека лицо всё в пирсинге или тело в наколках, и он может искренне полагать, что эти атрибуты делают его защищённым от всевозможных неприятностей и даже фатальностей. И заранее предупреждаем: объяснять что-либо или как-то разубеждать его, что «тату рычащего волка не распугает потенциальных грабителей и не отведет от опасностей» — бесполезно. Напоминаем, в субкультуре никто никому ничего не объясняет. Да и слушают тех, кого хотят слушать. Опять-таки, в субкультуре отсутствует контрольная функция, человек выбирает сам, совершает поступки сам и обдумывает самостоятельно.

Ирина Лопатюк

Чи достовірні джерела з історії церкви

Церковно-науковий центр «Православна енциклопедія» — нині є однією із найавторитетніших російських церковно-наукових платформ, яка об'єднує зусилля як богословів, так і світських вчених, які досліджують історію та особливості православ'я як релігійного напрямку. У 2020 р. цей центр надрукував збірник документів «**Воссоединение Киевской митрополии с Русской Православной Церковью 1676–1686 гг. Исследования и документы**».

Причина появи цього збірника чітко сформульована керівником відділу зовнішніх церковних зв'язків Московського патріархату, митрополитом Волоколамським Іларіоном Алфєєвим у передмові до книги. Зокрема йдеться про те, що, на думку митрополита, до 2018 р. Константинопольський патріархат, «**беззастережно визнавав повноту юрисдикції**» Московського патріархату над Київською митрополією.

І лише «у 2018 р. Константинополь зробив спробу відкликати акт 1686 р. і поширити свою юрисдикцію на Україну. Саме тоді вперше прозвучали заяви Константинопольської патріархії і її представників про те, що передача Київської митрополії Московському патріархатові ніби мала тимчасовий і умовний характер..».

Тобто цей збірник фактично є відповіддю (із затримкою у два роки) Московської патріархії на рішення Святого і Священного Синоду Константинопольської ПЦ від

11.10.2018 р., згідно якого було скасовано «зобов'язання Синодального листа 1686 р., виданого за обставин того часу, який надавав у порядку ікономії право Патріарху Московському висвячувати Київського митрополита, обраного собором духовенства та вірян його єпархії, який мав згадувати Вселенського Патріарха як свого Першоієрарха за будь-яким богослужінням,

проголошуючи та підтверджуючи свою канонічну залежність від Матері-Церкви Константинополя». Формат «відповіді» (спрямованості на відстоювання своєї позиції) суттєво позначився на якості супроводжуючих матеріалів та подачі самих документів. Йдеться про підміну понять, відсутність оригінальних текстів, маніпулятивну подачу текстів у сучасному перекладі та довільне скорочення джерел.

Підміна понять починається уже із самої назви збірника. Адже на момент приєднання Київської митрополії до Московської патріархії ні про яку «Русскую Православную Церковь» не могло йтися, бо такої ще не існувало у природі. Цю назву вона отримала лише у 1943 році. З початку XVIII ст. і до 1943 року ця Церква називалася «Российская Православная Церковь». У XVII столітті (період, який аналізується у збірці) ця церква мала назву «Московська Православна Церква». Паралельною і рівноцінною назвою до неї був **«Московський патріархат»**. Підміна давніх історичних назв інституцій, які існували в інших межах і якостях, на сучасні — маніпулятивна і антинаукова техніка. Намагання укладачів збірника до документів маніпулювати думкою читачів підтверджується і тим, що автори вступних та заключних аналітичних статей не вживають назву **«Руська Церква»** (часто вживана у XVII ст. синонімічна назва для Київської православної митрополії), очевидно, щоб не плутати читача — бо тоді буде не зрозуміло хто з ким «воссоединявся». Крім того, всі назви, що стосуються давніх українських інституцій, або тих, що займалися українськими питаннями, не змінені. Наприклад, «Малороссия», «Малоросійський приказ» тощо.

На фоні цих маніпуляцій є також питання і до історичності назв і суті деяких документів, які цитуються у збірнику. Складається враження, що вони ще у царські часи проходили певну цензуру і мають давно внесені зміни. Наприклад, лише із початку XVIII ст., за наказом Петра Романова, Московське царство починає змінювати свою назву на Російське царство, згодом — імперію. Проте у збірнику уже під 1679 роком фігурують назви **«русские послы»** (документи № 23, 26, 27 та ін.). Тобто Московські царі делегували у 1679 р. «русских послів», що виглядає достатньо дивним.

До того ж, термін **«воссоединение»** (з'єднання знову, приєднання відторгнутого) використовується тут у контексті «приєднання відторгнутої Київської митрополії до Московської патріархії». Але, якщо об'єктивно слідувати за історичним перебігом подій, це Московська митрополія (згодом — па-

тріархія) самовільно виділилася із Київської митрополії. Про це самовідділення свідчить і той факт, що митрополити, які правили вже самостійною (із 1448 р.) Московською митрополією, носили титул «Київський і всієї Русі». І лише з 1461 р. вони іменуються «Московськими».

Враховуючи викладене, можемо зробити висновок, що укладачі вже у назві збірника свідомо спотворили суть подій, які відбувалися в останній чверті XVII ст. у Київській митрополії.

Маніпулятивний підхід продовжується і у тексті передмови митрополита Іларіона Алфєєва. Відкол від Київської митрополії і створення у 1448 р. самостійної Московської митрополії митрополит побіжно пояснює нібито підписанням Константинопольським патріархом документів Флорентійської унії. Хоча, як визнає митрополит, лише у 1458 р., тобто через 10 років після розколу московитами Київської митрополії і створення Московської митрополії, на Київську катедру був призначений «уніат» Григорій Болгарин. Тому виникає питання — Флорентійська унія була причиною чи приводом до самовідділення Московської митрополії?

Рейдерську за своєю суттю атаку Московської патріархії на Київську митрополію митрополит Іларіон Алфєєв пояснює тим, що це «возз'єднання Київської митрополії з Русскою Церквою фактично врятувало від знищення українське православ'я». Йдеться про боротьбу православної та унійної Церков у другій половині XVII століття. Але історичні факти свідчать про зовсім інше. Саме після виходу Київською митрополією зі складу Константинопольського патріархату і входження її у юрисдикцію Московської патріархії (із неприйнятими для Українського православ'я умовами й традиціями), розпочався процес переходу західноукраїнських православних єпархій (Львівської, Луцької та ін.) в унію. Зокрема це стало поштовхом для Львівської архієпископії, яка найбільш стійко протидіяла поширенню унійної ідеї після 1596 року. Проте у 1700 р. її клір значною більшістю прийняв це непросте рішення щодо переходу в унію.

До речі, багато хто із тогочасних кліриків Київської митрополії попереджав про такі можливі наслідки входження у юрисдикцію Москви. Наприклад, противники входження у Московський патріархат прямо заявляли, що ми повинні «оглядатися і на православних у Короні Польській і у князівстві Литовським, які від римлян тим і захищаються, що віддавна прийняли святе хрещення від патріарха Царгородського і до нього, як ісконного отця свого належать. А як тільки ми від Царгородського до Московського патріарха відлучені будемо, то римляни під своєю владою православних від Царгородського патріарха відірвуть і до своїх уніатів нахилять. Скажуть, що з нас приклад беруть. Адже якщо митрополія Київська відреклася від свого ісконного патріарха Царгородського, і до Московського патріарха пішла у послухання, то чому ви не маєте також відступити і до наших духовних належати». Вся ж протидія унії з боку Москви (як церковної, так і світської) часто полягала у репресивних заходах проти ініціаторів зміни конфесії. Як це сталося, наприклад, із Луцьким владикою Діонісієм Жибоплинським, якого після прийняття унії «схопили, вивезли до Москви, де він і загинув мученицькою смертю».

Цинічно виглядають слова митрополита Іларіона Алфєєва і про те, що лише у 2018 році «Константинополь спробував відкликати акт 1686 року і поширити свою юрисдикцію на Україну». Алфєєв чомусь вважає, що лише у 2018 р. «вперше прозвучали заяви Константинопольської патріархії і її представників про те, що передача Київської митрополії Московському патріархату ні-

бито мала тимчасовий і умовний характер». Зазначимо, що лише у XX ст. Константинопольський патріархат кілька разів робив однозначні заяви щодо невизнання меж Московської патріархії поза тими, які були на момент визнання Московської Церкви у 1589 році (Київська митрополія ніколи не входила у ці межі).

Окрім цих заяв, важливим аргументом до спростування твердження митрополита Іларіона Алфєєва є підстави надання у 1924 р. Томосу про автокефалію для Православної Церкви у Польщі. Адже Вселенська патріархія в обґрунтуванні до Томосу чітко зазначила, що

«...Перше відокремлення від нашого престолу київської митрополії і православних митрополій литви та польщі, залежних від неї, а також прилучення їх до святої московської церкви настало не за приписами канонічних правил...».

Протидія Московської патріархії і навіть світської більшовицької влади отриманню православними у Польщі Томосу була шалена. Росіяни дуже чітко розуміли і передбачали наслідки такого акту. Тому після «визволення» Польщі у 1945 р., радянські світські та церковні діячі ініціювали «відмову» ПАПЦ від Константинопольського Томосу і у 1948 оголосила про надання власного (фактично не був наданий). Томос від Вселенського патріарха для Православної Церкви у Польщі чітко зазначав, що, окрім певних, обумовлених Константинопольським патріархатом умов, Київська митрополія завжди залишилася частиною («канонічною територією») Вселенського патріархату. Адже аргументація у документі була однозначною: православні єпархії у Польщі були частиною Київської митрополії, яка ніколи не належала Москві. Тому, на тлі появи незалежної держави, частині митрополії дарується автокефалія.

Можна ще багато уваги приділити несурозностям, які є у передмові та у аналітичних матеріалах: «Становлення і розвиток ідеї єдності митрополії всієї Русі в візантійську епоху» (ст. 7–32); «Київська митрополія, Московський патріархат і Константинопольський патріархат в 1676–1686 роках» (ст. 33–140). Проте обсяг статті дозволяє лише зупинитися на побіжній характеристиці зібраних у збірнику документів.

У аналізованому нами збірнику зібрано 246 джерел, які, на думку укладачів, найбільш повно відображають події 1676–1686 років. Джерела подані у перекладі на сучасну російську мову, часто без надання текстів оригінальних документів. У багатьох

випадках такі оригінали не збереглися, що ставить під сумнів достовірність їх змісту. У 33 випадках із 246 (13%) документи подані у фрагментах. При цьому не обумовлений принцип, за яким відбиралися ці фрагменти. Це, відповідно, дає простір для тенденційного відображення суті документа, цитування тих його частин, які підтверджують концепцію укладачів і уникання цитування фактів, які цю концепцію заперечують.

Власне йдеться про сформовану ще у часи московського царя Петра Романова (1672–1721) ідею про нібито бажання кліру Київської митрополії перейти у юрисдикцію Московської церкви та погодження на такий акт з боку Константинопольської патріархії. Притому, на думку московських історіографів, таке погодження було повним і без жодних умов остаточним. Виклад цієї концепції та її «обґрунтування», до речі, займають майже чверть обсягу збірника і викладена як на початку книги (ст. 5–144), так і у завершальних коментарях (ст. 844–894).

Подані джерела можна об'єднати у кілька груп, які відображають бажання укладачів переконати читачів у правильності своїх тез. А саме:

- група документів про гоніння на православних на теренах Речі Посполитої і «боротьбу» московської сторони за їх права;
- документи, які характеризують діяльність Гедеона Святополка-Четвертинського до і після його обрання Київським митрополитом;
- листи, грамоти та універсали польського короля Яна III Собеського;
- листування між руськими (українськими) кліриками та світськими особами із московськими очільниками (царями, чиновниками, дипломатами);
- листування московської сторони із Єрусалимським патріархом Досифеєм II Нотарою (намагання московитів сформувавши підтримку своїм намаганням захопити Київську митрополію), в т.ч. й документи, що підтверджують оплату московитами діяльності патріарха із лобювання їх інтересів;
- листування московської сторони із Константинопольським патріархатом;
- документи, які прояснюють роль Московської патріархії та московських царів в організації вибрів Київського митрополита;
- документи, що засвідчують дипломатичні та адміністративні (із 1654 р. Москва контролювала лівобережну

Україну) зусилля московської сторони (церковної і світської) щодо зміни юрисдикції Київської митрополії із константинопольської на московську;

- документи (понад 10% від загальної кількості), що засвідчують важливість для Московії отримання Київської митрополії — йдеться про нагородження московськими царями та патріархом всіх причетних до зміни юрисдикції Київської митрополії.

Особливий інтерес викликають документи No 210–219, в яких подані грамоти Константинопольського патріархату від травня-червня 1686 р., а також рішення Синоду Константинопольського патріархату, в яких Вселенська патріархія обумовлює причини і спосіб підпорядкування Київської митрополії Московському патріархові. Зазначимо при тому, що зберігся лише один оригінал цих документів (No 210), а всі інші подаються у перекладах із перекладених ще у XVII ст. московитськими чиновниками копій. А ці переклади завжди мали свої особливості.

Власне у грамоті патріарха Діонісія IV жодним чином не вказується про передачу Київської митрополії назавжди. Тут обумовлені причини передачі: наявність частих воєн між Османською імперією і Московським

царством, що було природною перешкодою для комунікації престолів в Константинополі і Києві; віддаленість митрополії від Церкви-Матері та неможливість оперативного поставлення митрополитів. Умовами цього тимчасового підпорядкування були: хіротонія Київського митрополита у Москві, за умови обрання його у своїй митрополії вільними голосами і за місцевим звичаєм; не втручання у справи місцевих українських єпархій; поминання на літургії першим Константинопольського патріарха. Крім того, українська сторона, особливо гетьман І. Самойлович, домогалися залишення за Київським митрополитом титулу екзарха Константинопольського патріарха («екзарха святійшого апостольського Константинопольського трону»), (див. документ No 158). Проте московські світські та церковні очільники навідріз відмовилися від ідеї збереження цього титулу.

Умови Вселенського патріарха достатньо чіткі. І ні для кого не є секретом, що Московський патріархат фактично одразу ж почав тотально їх порушувати. Йдеться про:

- втручання у справи митрополії і єпархій;
- зміни кордонів єпархій і навіть митрополії;
- усунення правлячих єпископів;

- призначення, замість обрання, митрополитів;
- не поминання Константинопольського патріарха;
- ліквідація титулу екзарха Константинопольського патріарха і навіть пониження титулу Київського митрополита до архієпископа;
- ліквідація власного церковного суду Київської митрополії (московський Патріарший суд мав би бути лише апеляційною інстанцією) тощо.

Відтак потрібне пояснення того, чому Московська патріархія знехтувала умовами співпраці із Вселенською патріархією і як це сприяло «благу православ'я» (як про це писалося у листах московських царів і патріарха у Константинополь). Тому у збірнику після документів дається великий «Коментар до документів Константинопольського Патріархату від травня-червня 1686 року про передачу Київської митрополії в юрисдикцію патріарха Московського». Причому коментуються лише кілька документів (210–219), і коментарі зводяться до спростування згаданих умов Константинопольського патріархату, на яких передавалася Київська митрополія в управління Московському патріархатові.

Мета коментарів достатньо зрозуміла, проте складна — доказати, що Константинопольський патріархат назавжди передав (неможливість повернення) Київську митрополію у склад Московського патріархату. Відтак московська духовна і світська влада мала/має право робити із цією митрополією все, що вважатиме за необхідне. І навіть питання поминання Константинопольського патріарха у коментарі обігрується так, що це поминання «мотивується аж ніяк не тим, що останній і далі буде зберігати Київ у своїй юрисдикції, але особливу роллю Константинопольської кафедри в православному світі загалом».

Для посилення своїх аргументів московські коментатори документів вводять ще одного міжнародного гравця. Додають аргументацію Єрусалимського патріарха Досифея у цих питаннях (документи No 203–206). Еволюція поглядів Досифея від повного заперечення ідеї перепідпорядкування Київської митрополії до можливості її входження у Московський патріархат пояснюється просто. Ця еволюція залежала від фінансування його особисто та його патріархії від московських царів і патріарха (документ No 194). Фактично Досифей виконував платні послуги із лобювання інтересів Москви. Тому логіка аналізу ідей Досифея у коментарях до документів Константинопольського патріархату може бути лише одною відволікання уваги від головного питання (порушення умов Вселенського патріарха) та намагання показати непослідовність позиції Константинополя.

Крім того, з уваги московських коментарів повністю випускається той факт, що і тогочасні московські царі, і Московський патріарх давали гарантії новообраному Київському митрополитові, а в його особі — всій Київській митрополії, щодо збереження його прав і привілеїв, а також традицій митрополії. У збірнику це документи NoNo 144, 145, 177, 178, 183 та ін. Є також низка документів щодо боротьби українців за свої привілеї — документи No 133, 134, 135, 136, 150, 151, 152, 157, 158 та ін. Подальші події засвідчили, що практично всі згадані у документах гарантії чи то царів, чи Московського патріарха, були порушені московською стороною. Київська митрополія практично одразу ж після зміни юрисдикції, перестала бути суб'єктом міжцерковних відносин і перетворилася на пересічну Московську митрополію, а згодом і на архиєпископію.

Тому закономірним і цілком логічним з боку Священного Синоду Константинопольського патріархату було прийняття рішення від 11 жовтня 2018 р., яким Київська митрополія повернута Материнській Церкві

(Константинопольському патріархатові): «4) Скасувати зобов'язання Синодального листа 1686 року, виданого за обставин того часу, який надавав у порядку ікономії право Патріарху Московському висвячувати Київського митрополита, обраного собором духовенства та вірян його єпархії, який мав згадувати Вселенського Патріарха як свого Першоієрарха за будь-яким богослужінням, проголошуючи та підтверджуючи свою канонічну залежність від Матері-Церкви Константинополя».

На сайті «Orthodoxia.info» представниками патріархії було також опубліковано документи, що засвідчують неканонічність перебування Московської патріархії на теренах України.

Вселенський патріарх Варфоломій I також дав чітке й однозначне роз'яснення того, що ж відбулося у другій половині XVII ст. із Київською митрополією. Зокрема патріарх Варфоломій зауважив:

«Фактом є те, що не існує якогось канонічного тексту, тобто якогось патріаршого томосу або якогось патріаршого і синодального акту, яким київська митрополія передавалася би московському патріархату. Документи є більш ніж зрозумілими, а листи патріарха діонісія, надіслані 1686 р., не можуть бути зрозумілішими. Вони не лише не передають київську митрополію московському патріархату, але, більше того, визначають основною передумовою [опіки над київською митрополією], що кожен київський предстоятель продовжує згадувати константинопольського патріарха як свого канонічного очільника. Той, хто має базові еkleзіологічні (церковні) і канонічні знання, розуміє, що київська митрополія не могла бути передана московському патріархату, якщо київський митрополит мав і надалі згадувати константинопольського патріарха.

На жаль, московський патріархат в односторонньому порядку порушив цю угоду. Він змусив припинити згадування константинопольського патріарха, бо знав, що це є видимим знаком канонічної юрисдикційної належності київської митрополії до константинополя. Також відомо, що перед появою листів патріарха діонісія наші російські брати намагалися хіротонізувати київських митрополитів, але кожного разу вони наражалися на [негативну] реакцію духовенства і народу України, який ні за що не хотів підпорядковуватися москві. Більше того, патріарх московський нikon (1652–1658) антиканонічно присвоїв собі титул патріарха

великої і малої і білої русі, що є доказом експансіоністського духу, яким він був одержимий.

Проте, документи 1686 р. Не є першими канонічними текстами, котрі оприлюднив вселенський патріархат. Якщо ви подивитесь на томос, яким 1924 р. Була надана автокефалія польській церкві, ви знайдете у ньому той самий погляд на ситуацію з київською митрополією. У томосі польської церкви чітко написано, що передача київської митрополії та її злиття з московською церквою було здійснене всупереч канонічним положенням. Це говорить про те, що вселенський патріархат і через 238 років не переставав вказувати на це неканонічне захоплення київської митрополії московським патріархатом.

Звичайно, ця ситуація тривала понад 300 років, але це не означає, що канонічність відновилася. Не існує такого канону, який би говорив нам, що гріх або неканонічність з плином часу зцілюються і перетворюються на канонічність. Наскільки нам відомо, «те, що від початку не було дійсним, не може бути утверджено плином часу».

«Ми поступилися московському патріарху дозволом на хіротонію київського митрополита, але і то з конкретними вимогами, яких російська сторона не дотримувалася. Вселенський патріархат ніколи в своїй історії не здійснював втручання за межі своєї юрисдикції. У нас немає експансіоністських прагнень. Я рекомендую вам вивчити історію церкви, починаючи від четвертого вселенського собору і далі. Ви переконаєтесь, що церква константинополя постійно зменшується і звужується. У той же час, прочитайте рішення собору, який зібрався у храмі богородиці утішетильниці, в константинополі 1593 року. Цей собор визначив кордони тодішнього новоствореного московського патріархату. Дослідіть, чи ті кордони, які визначили святі отці, ідентичні сучасним кордонам сестринської російської церкви. Отже, тут виникає питання: чи може будь-яка церква самовільно розширювати свої кордони та ще й за рахунок територій іншої церкви?».

Висновки

На жаль, досліджуючи історію Київської митрополії в один із найскладніших її періодів (остання чверть XVII ст.), укладачі аналізованої збірки стали на шлях підміни понять, маніпуляцій та тенденційного підбору

джерел. Зокрема практично не висвітлена боротьба кліру Київської митрополії проти входження у Московську патріархію — цьому присвячено лише два документи (№ 134, 140), застереження київського духовенства щодо неприйнятності для них порядків, які існують у сусідній Білгородській єпархії, та донос митрополита Білгородського Авраамія патріарху Московському Іоакиму щодо протестних настроїв у Київській митрополії. Про рівень протестних налаштувань українського духовенства свідчить навіть той факт, що і через 32 роки (1654–1686) адміністративного підпорядкування України Московському царству, незважаючи на тотальний адміністративний тиск і відверте втручання у церковні справи, Москві слід було докладати надзвичайних зусиль, в тому числі йти на відвертий обман (гарантувати давні права і привілеї, які й не збиралася виконувати), щоб отримати Київську митрополію.

Згідно грамот Константинопольського патріархату, які надруковані у збірнику, Вселенська патріархія надала чіткі критерії своєї співпраці із Московською патріархією у справі окормлення Київської митрополії:

- a. Київська митрополія формально залишається у складі Константинопольського патріархату. В якості основної ознаки використовується поминання в літургії Константинопольського патріарха на першому місці, перед патріархом Московським. За церковними канонами, першим поминається глава Церкви.
- b. Московський патріарх має владу над митрополитом Київським лише в межах тих повноважень, які делеговані йому Константинопольським патріархом.

Відтак, погоджуючись із грамотами Вселенської патріархії, Московська патріархія брала на себе наступні зобов'язання: не втручатися в вибір митрополита і лише висвячувати його; не втручатися у справи митрополії (крім як за допомогою апеляції церковного суду митрополії); в кожній літургії на території Київської митрополії як главу Церкви поминати Вселенського патріарха.

Перевірити, чи виконує Московський патріархат взяті на себе зобов'язання, не складно і зараз. Навіть якщо не читати історію Київської митрополії після 1686 р., біографії усіх причетних до зміни юрисдикції дійових осіб та призначених із Москви митрополитів, достатньо просто прийти на літургію у будь-який храм Московської

патріархії, що діють на території Київської митрополії. А там достатньо послухати — кого поминають священники як главу церкви, за кого моляться. Відповідь очевидна, і вона лише підтверджує правоту Константинопольського патріархату і правильність його дій у 2018 році.

- [1] Воссоєдинення Київської митрополії з Руської Православної Церкви 1676–1686 гг. Исследования и документы. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. 912 с.
- [2] Воссоєдинення Київської митрополії. Предисловіє. С. 5.
- [3] Комюніке Святого і Священного Синоду Константинопольської ПЦ від 11.10.2018 р. // Саган О.Н. Православна Церква України: конститування та перспективи розвитку. К., 2019. С. 85–86.
- [4] Воссоєдинення Київської митрополії. Предисловіє. С. 5.
- [5] Історія релігії в Україні. Католицизм в Україні / За ред. П. Яроцького. Т.IV. К., 2001.
- [6] Див.: Документ No 140. 1685 г., не пізніше августа 8. Грамота митрополита Белгородського Авраамія патріарху Московському Іоакиму з приложением копій статей з протестом київського духовенства проти переходу Київської митрополії під владу патріарха Московського // Воссоєдинення Київської митрополії. С. 478.
- [7] Див.: Професор Ігор Скочилиас: «Львівська унія 1700 року стала добровільним вибором духовенства і мирян Львівської архієпархії» // <https://Синод Єпископів УГКЦ/synod.ugcc.ua/data/profesor-igor-skochilyas-lvivska-uniya-1700-roku-stala-dobrovilnym-vyborom-duhovenstva-i-miryun-lvivskoy-arhyparhiy-3492/>
- [8] Воссоєдинення Київської митрополії. Предисловіє. С. 5.
- [9] Йдеться про лист Вселенського патріарха Димитрія до Московського Патріарха Алексія II (1991 р.) та заяву, зроблену у Києві офіційним представником Вселенського патріарха Варфоломія I, архієпископом Всеволодом Майданським (2005 р.).
- [10] Дет. див.: Мулик-Луцик Ю. Включення Української Православної Церкви в Московський Патріархат // Релігія в історії і духовності українців. Вибрані праці Юрія Мулика-Луцика / Упорядник і наук. ред. проф. А. Колодний. К.: УАР, 2019. С. 121–145.

- [11] Що це не так, див.: Документ No 134. 1685 г., июля 22. Письмо гетмана Ивана Самойловича севскому воеводе Л. Р. Неплюеву с сообщением о пересылке статей, в которых часть духовенства Киевской митрополии выражала опасения относительно введения у себя порядков Белгородской митрополии в случае признания верховной власти патриарха Московского. // Воссоєдинення Київської митрополії. С. 460–461; Документ No 140. 1685 г., не пізніше августа 8. Грамота митрополита Белгородського Авраамія патріарху Московському Іоакиму з приложением копій статей з протестом київського духовенства проти переходу Київської митрополії під владу патріарха Московського // Воссоєдинення Київської митрополії. С. 476–482 та ін.
- [12] Див.: Звонська Л. Грамоти Діонісія, патріарха Константинопольського, та Досифея, патріарха Єрусалимського, про передачу Київської митрополії Московському патріархату: грецький текст та зіставний аналіз староросійського і українського перекладу // Юрисдикційний статус Київської православної митрополії у 1686 році: богослів'я, канонічне право та культурно-історичний контекст / За загальною редакцією проф. О. Сагана К., 2019. С. 10–47. (Lesia Zavonska. Certificates of Dionysius, Patriarch of Constantinople, and Dositheus, Patriarch of Jerusalem, about the transfer of the Kyiv Metropolitanate to the Moscow Patriarchate: Greek text and comparative analysis of the Old Russian and Ukrainian translations.)
- [13] No 210. 1686 г., май. Грамота патріарха Константинопольського Дионісія IV царям Івану V і Петру I Алексеевичам, а також царевне Соф'є Алексеевне о передаче Київської митрополії під владу патріарха Московського // Воссоєдинення Київської митрополії. С. 695–704.
- [14] Там само. С. 700, 703.
- [15] Воссоєдинення Київської митрополії. С. 875–876.
- [16] Документ No 158. 1685 г., октября 30. Протокол переговоров гетманских посланцев К. И. Голуба и В. Л. Кочубея, а также владыки Гедеона Святотолк-Четвертинского, избранного митрополитом Киевским, с боярином князем В. В. Голицыным по вопросу о сохранении прав и привилегий Киевской митрополії, в том числе о статусе

се митрополита как экзарха патриарха Константинопольского // Воссоединение Киевской митрополии. С. 529–532.

- [17] Комментарий к документам Константинопольского Патриархата от мая-июня 1686 г. о передаче Киевской митрополии в юрисдикцию Патриарха Московского. // Воссоединение Киевской митрополии. С. 844–894.
- [18] Воссоединение Киевской митрополии. С. 874.
- [19] No 194. 1685, ноября 15. Царский указ о выдаче жалованья патриарху Иерусалимскому Досифею II Нотаре // Воссоединение Киевской митрополии. С. 622–623.
- [20] Комюніке Святого і Священного Синоду Константинопольської ПЦ від 11.10.2018 р. // Саган О.Н. Православна Церква України: конституювання та перспективи розвитку. К., 2019. С. 85–86.
- [21] Див.: <http://orthodoxia.info/news/wp-content/uploads/2018/09/final-oukraniko-1.pdf> Український переклад див.: <https://www.kpba.edu.ua/publikatsii/all-news/news/2638-jk.html> У вступі до цих документів зазначено: «Вселенський Патріархат вважає доречним нагадати всю історичну і канонічну правду про взаємини Константинопольської Церкви з Церквою України, про що свідчать збережені офіційні документи, які, на жаль, або ігноруються, або свідомо приховуються зі зрозумілих міркувань» ... «На цьому дослідженні базується вся аргументація Вселенського Патріархату, за допомогою якої спростовуються всі звинувачення Москви проти Константинополя про «вторгнення» в її канонічні єпархії. За допомогою цього дослідження, особливо з оригінальною листування, яке оприлюднюється уперше, Вселенський Патріархат підтверджує його канонічну і правову юрисдикцію в Україні та водночас доводить, що Московський Патріархат порушив правила Патріаршого і Синодального Акта 1686 р. Вселенського Патріархату, порушення яких Вселенський Патріархат через важкі умови, за яких діяв, змушений був терпіти та мовчати, але ніколи не забував і не пробачав».
- [22] Див.: «Я — не «східний папа». Інтерв'ю із Константинопольським патріархом Варфоломієм // РІСУ.— 28.02.2019 / https://risu.org.ua/ua/index/monitoring/society_digest/74893 Переклад з: «Нисам «источни папа» / Политика.—

21.02.2019 / <http://www.politika.rs/articles/details/423274>

[23] Там само.

[24] Детальніше про цю проблему можна прочитати у збірці доповідей учасників міжнародної експертної конференції «Юрисдикційний статус Київської православної митрополії у 1686 році: богослів'я, канонічне право та культурно-історичний контекст» (за редакцією проф. О. Сагана. К., 2019. 127 с.).

[25] Yevhen Nikolskyi, Oleksandr Sahan. Annexation of the Kyiv Metropolitanate by the Moscow Patriarchate in 1686: subjective preconditions and consequences // Jurisdictional Status of the Kyiv Orthodox Metropolitanate in 1686: Theology, Canon Law and the Cultural and Historical Context. K., 2019. S. 105–113.

Людмила Філіпович

Олександр Саган

Почему Бодрийяр, почему сегодня?

Рецензия PhD Эндрю Маклаверти-Робинсона на книгу "Маэстро. Жан Бодрийяр. Последний Пророк Европы" (автор: PhD Олег Мальцев, научный редактор профессор Люсьен Оулахбиб)

Написать такую книгу в сегодняшнее время, требует огромного мужества, оригинальной мысли, и готовности поставить свое имя на определение утверждений, которые якобы правдивы, и сделать это таким образом, как не сделают большинство критических ученых.

Даже больше чем собственные работы Бодрийяра, критика Мальцева резонирует с распространенной в настоящее время критикой «современного разума» и поиском «других способов видения», которые так распространены в современных критических научных кругах. Однако у Мальцева хватает мужества пойти дальше, чем большинство из тех, кто бормочет такие модные слова. На-

против, Мальцев выдвигает истоки другой философии.

PhD Эндрю Маклаверти-Робинсон

Рецензия

Как и работы Бодрийяра, **эта книга — необычная, оригинальная и потенциально скандальная.** Читатели, которые ожидают найти в ней дешевое чтение постструктуральных трюизмов, прикрытых многословием, будут разочарованы. Будут разочарованы и те, кто ищет только ознакомительную экзегетику.

То, что автор Олег Мальцев представил, скорее является почти эзотерическим прочтением Бодрийяра, которое сосредоточено на параллелях между трудами французского теоретика и его (Мальцева) собственными открытиями в истории идей.

Он считает, что Бодрийяр пришел к четко определенной философии, но намеренно

представлял ее публике только фрагментами, чтобы избежать злоупотребления силой этой философии. Он представляет ее в виде более или менее последовательной системы. Данная система помогает интегрировать открытия Бодрийяра в прямолинейную, откровенную структуру, которая напрямую касается вопросов философии науки/научно-технологических исследований, психологии/психоанализа, социологии и философии. Возможно, стоит воспринимать это как сферу проблематики, в том смысле как Бодрийяр понимал эти слова, как об имени-истории в делезианском смысле. Мальцев восстанавливает не сами работы Бодрийяра, дословно, а то, что он считает действующим концептуальным каркасом, стоящим за ними. Таким образом, «Бодрийяр» относится ко всему, что происходит из этого концептуального каркаса, и, таким образом, затрагивает более широкую сферу современной актуальности.

Обычно труды Бодрийяра так не используют. **В англоязычном мире Бодрийяра обычно называют постмодернистом или постструктуралистом.** Он вызвал значительный интерес в 1980–90-е годы из-за его очевидной связи с темами глобализации и массовой культуры, его работы читали на курсах, посвященных этим двум темам. Со временем интерес к нему угас. Исследования глобализации потеряли часть своего культового статуса после 11 сентября, когда их место заняли исследования безопасности, а также после финансового кризиса 2008 года. Хотя Бодрийяр также может многое сказать о «терроризме» и «безопасности», хитросплетение академических кругов с политической властью в этой области создала такой вклад, который больше стал препятствием для других ученых (поставил их в неловкое положение), чем помог им. Культурология все чаще трансформируется в предварительное обучение для культурной индустрии с акцентом на политику идентичности. Бодрийяра все еще изучают в культурологии, но в основном из-за его практической пользы при интерпретации определенных фильмов или художественных текстов. Это тот Бодрийяр, который всегда находится внутри Матрицы, а не в пустыне реальности.

В любом случае, англоязычные читатели достаточно плохо читают работы Бодрийяра. Заимствование постструктурализма в 1980-е годы (в тех условиях, которые сильно отличались от революционных условий Франции 1960-х годов, в которых он начинался) осуществлялся в основном людьми, ищущими видимость радикальной-альтернативности академическому

марксизму, часто теми людьми, которых позже потянуло на «Третий путь» и его проект кибернетического/бихевиористского контроля, подкрепленный образовательной экспансией и одновременным причудливым неестественным одобрением рыночного абсолютизма и социалистических целей. На раннем этапе многие из них были ироничными релятивистами, стремившимися освободить «наивный» гнев и неироничную приверженность, которых привлекала игривость, подобная дадаизму, и непонятность французской теории 1960–70-х годов, и в целом они относились к работам Бодрийяра как к тесту Роршаха, в котором языковая сложность или поэтика дает им право найти там все, что им нравится (и игнорировать то, что им не нравится). Отсюда следует, что они нашли лишь зеркало их собственной души, и это все больше и больше определяло, кто такой Бодрийяр (или Делез, или Лакан, или Фуко...) в академических кругах, кем можно назвать Бодрийяра без риска впоследствии лишиться поддержки экспертного рецензирования, рейтинга цитирования и быть заклеянным словом «эссе». История постструктурального синтеза и противоречивый и авторитарный характер вытекающих из него догм обсуждаются более подробно в моем трехтомном критическом анализе Хоми Бхабха.

Политическая кастрация, свойственная синтезу, яснее всего отразилась в кризисе COVID-19: Бодрийяр и большинство постструктуралистов, несомненно, отреагировали бы во многом так же, как Джорджио Агамбен и Рауль Ванейгем (некоторые из последних теоретиков поколения Бодрийяра), однако большинство последователей традиционного синтеза были категорически за изоляцию (про-локдаунисты) и совершенно не критично относились к силе кибернетического понукания, манипуляции средствами массовой информации, современного рационализма, ложного универсализма и биополитики, которые они могли бы осудить в других местах; они эффективно повторяли действия различных социал-демократических партий, которые показали свое истинное лицо, когда их призвали сражаться в Первой мировой войне.

Создание «постструктурализма» как единой концепции часто сопровождалось упрощением и слиянием различных (нередко очень сложных и расплывчатых или трудных терминологически в своих работах) теоретиков, собранных под этим ярлыком. В результате Бодрийяра чаще всего читали с точки зрения терминов следующих школ: анти-эссенциализма,

критики «субъекта» (идеи отдельного индивида), лингвистического детерминизма, пособничества знаний с властью, критики современного рационализма (в частности, включая марксизм). Он спроецировал на себя ряд концепций и задач, взятых у Дерриды, Лакана, Лиотара или Фуко или созданных англоязычными синтезаторами: например, центральность позициональности, лингвистическая/дискурсивная природа реальности, полное отрицание «великих повествований» системного масштаба и т.д.

Так, например, Бодрийяр утверждал, что современные люди сведены к состоянию «узлов», подобно компьютерам в сети, каждый из которых обеспечивает и принимает сигналы «да/нет» от окружающих узлов, легко подпадает под более широкую критику субъективности модерна и/или постмодерна, и который становится отсканированным. Конечно, это во многом пересекается с теорией логистики Вирилио, обществом контроля Делёза, правительственностью и биовластью Фуко, даже с теорией точек зрения и кибернетикой (не говоря уже о том, что основной целью Бодрийяра было противодействие превращению людей в «узлы», в то время как многие из его читателей **поддерживают** это как средство разрушения «современного объекта» или как метод достижения большей «ответственности» за счёт бихевиористской манипуляции).

С другой стороны, что-то наподобие теории символического обмена Бодрийяра подрывает общий синтез и игнорируется, маргинализируется и неправильно понимается. Словно они выделили в Бодрийяре те элементы, которые наиболее совместимы с их стилем теории, а затем разрезали его пополам. Половина, которую они отставляют в сторону — более радикальная, более оригинальная, — затем заменяется симуляцией, построенной из остатков других теоретиков. Это неудивительно, ведь именно так эти авторы относятся ко всем французским постструктуралистам. Бодрийяр становится просто частью синтеза, подвергаясь воздействию тех самых техник, которые он разоблачает: иллюзия, симуляция, гиперреальность. Академический Бодрийяр становится одним из бесчисленных клонов Агента Смита, выпущенных в Матрицу, чтобы бороться со знанием реального, каждый из которых несет в себе все те же несколько догм, трюизмов и то же мировоззрение; каждый из которых взаимозаменяем с клоном Делёза, клоном Дерриды, клоном Витгенштейна, клоном Бенджамина, а сегодня даже клоном Ганди или клоном Будды, клоном Черного Лося

или клоном Кусиканки. (Я не говорю о клоннах самих ученых; в большинстве случаев их не нужно клонировать, потому что они уже являются клонами).

Большинство распрей относительно Бодрийяра на самом деле произошло вокруг симулированного Бодрийяра, киборга — наполовину Бодрийяра, наполовину призрака — постструктуралистского синтеза. Слишком часто в умах как сторонников, так и критиков, Бодрийяр мутировал в сторонника симуляции, «холодного» капитализма и иронической дистанции как экзистенциальной позиции. Такое восприятие, несомненно, способствовало его академическим успехам, связанным с судьбой глобализации и Новой экономики. К 2010-м годам постструктурализм сам по себе погрузился в более широкий синтез, в котором доминировала политика идентичности с акцентом на позиционность и точку зрения. Затем Бодрийяр подвергся дальнейшей маргинализации по признакам расы и пола: он один из плохих парней, угнетателей, которые заперты в ловушке современного рационализма и не могут видеть иначе, и которого нужно оттеснить, чтобы освободить место для людей из групп с утвержденной идентичностью (не говоря уже о том, что большая часть того, что они говорят, на самом деле заимствована в искаженном виде у французских постструктуралистов, с признанием того, что они им должны, или без этого). Во всем этом есть доля правды: полное погружение в кибернетический контроль, который является центром внимания работы Бодрийяра, вероятно, применим только к Северному полушарию, как он предлагает в своих эссе о войне в Персидском заливе (это просто еще один способ сказать: локальные знания и страстные серьезные намерения продолжают существовать за пределами Европы или на ее окраинах). Однако по большей части этот стиль критики/поглощения Бодрийяра — удобный способ избавиться от его радикальной критики. Если «постмодернисты» 1990-х годов приняли неолиберальный капитализм при условии, что они могли сохранить ироническую дистанцию, то идентитаристы 2010-х годов действуют так, как будто кроме спектакля (зрелища) больше ничего не существует, и открыто ориентируют их теорию на борьбу за стратегическое преимущество внутри него. «Захватите средства культурного производства», — как выражается Спивак. Но сегодня средства культурного производства — являются просто-напросто средствами создания симулякров. Порядок закодированных элементов

часто включает профилирование и различие, но основная проблема заключается не в упорядочивании элементов в коде; это подчинение жизни, человечества, природы, творчества, власти самой системе кодирования. Бодрийяр Мальцева — это не академически приемлемый Бодрийяр, не киборг-полу-призрак. Это альтернативный Бодрийяр, более живой, в некотором роде более близкий к своим работам, но также перекрестно-наполненный другим набором философских интересов и обязательств. Работая в Экспедиционном корпусе Института Памяти, Мальцев разработал необычную теорию относительно древних и средневековых европейских мировоззрений. Он считает, что более ранние европейские системы мышления были ближе к тому, что в других местах называется локальной или исконной наукой. Люди верили в лежащую в основе силу, и власть могла быть реализована через определенные геометрические формы, вписанные в эту силу. Это позволило людям делать удивительные вещи, которые современные люди не могут воспроизвести — и делать их, я бы добавил, с долей расхода энергии, воздействия на окружающую среду и повседневного социального контроля (принудительного и манипулятивного), который

необходим для сегодняшних «достижений». Проблема в том, что это была качественная наука, искусство или ремесло, требующие владения техникой и интуитивного участия в проблемной сфере, а это значит, что это немислимо, когда наука начинает макдональдизироваться, декорироваться и превращаться в единицы, которые могут быть переданы.

Мальцев реконструирует из работ Бодрийяра теорию геометрий как источник силы. Он считает, что досовременная европейская наука и технология были основаны на некоей такой геометрии, и что Бодрийяр каким-то образом это знал или интуитивно понимал. Эти знания были потеряны в научных кругах и в повседневном «здоровом смысле» из-за коварной коррупции обеих форм знаний механизмами, которые знакомы читателям Бодрийяра: циркулярными академическими системами знаний, которые уклоняются от сути дела, ненадежными количественными подходами, само-подкрепляющими группировками цитирования, создающими иллюзию компетентности, подрывом философских принципов средствами массовой информации и бесконечными «оргиями» общества потребления и т.д. Это, несомненно, обратит читателей с сочувствием к современной науке в вспышках «псевдонаука!» и «теория заговора!». Тем не менее, многие из этих критиков сделали бы очень похожие заявления, если бы они делались не на основе средневековых европейских знаний, а на основе собственных или не-западных систем убеждений. У меня нет достаточно знаний в истории, чтобы проанализировать утверждения Мальцева, но его взгляд на средневековую, досовременную науку согласуется с основной наукой и мыслью в области научно-технических исследований (например, работы Дэвида Тернбулла и Томаса Куна), а также с большей частью того, что выжило сегодня из древних и средневековых философий, особенно с уклоном на мистицизм (таких, как у Пифагора и Спинозы). Эти геометрии также знакомы читателям критической теории под другими названиями: концептуальная ризома Гваттари, топологии желаний Лакана, или таких идей, как мана, которые импортируются из неевропейских мировоззрений.

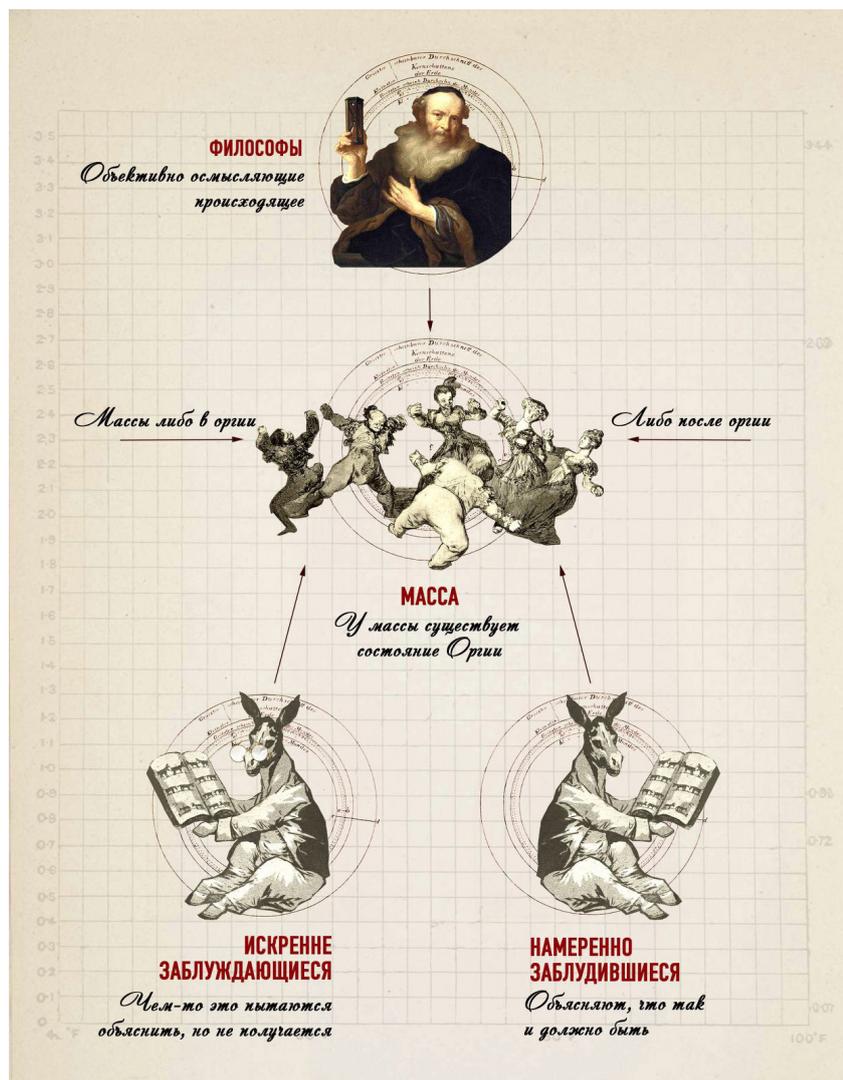
Даже больше чем собственные работы Бодрийяра, критика Мальцева резонирует с распространенной в настоящее время критикой «современного разума» и поиском «других способов видения», которые так распространены в современных критических научных кругах. Однако у Мальцева

хватает мужества пойти дальше, чем большинство из тех, кто бормочет такие модные слова. Напротив, Мальцев выдвигает истоки другой философии. Кроме того, его альтернатива современным научным кругам не опирается на эпистемологическую позицию или западных традиций. Скорее он помещает проблемы в определённый контекст, а точнее, в относительно недавнюю европейскую мысль, чем это делают другие, он осознаёт и считает более ранние этапы европейской науки отличающимися от того, что есть сегодня. Это следует толковать подобно призыву к «не-европейской» традиции. Это призыв с позиции несовременной Европы, той Европы, которая ещё не создала современность, колониализм/империализм, которая все ещё находится в области символического обмена и ещё не вступила на свой уже, теперь, роковой путь.

С моей точки зрения, книга более загадочна, чем Бодрийяр, у которого не было Экспедиционного корпуса и не было опыта работы с историческими архивами, чтобы он мог вообще открыть такую онтологию.

Как такие идеи могли попасть в произведения Бодрийяра и его современников? Часть ответа состоит, возможно, в следующем: потому что эти идеи по-прежнему активны по остаточному принципу даже в деградирующих науках 1960-х годов, и Бодрийяр умел мастерски отделять зерна от плевел. Я подозреваю, что Мальцев реконструировал сходство с европейским прошлым, основываясь на изоморфных элементах из работ Бодрийяра. Бодрийяр мог прийти к аналогичному восприятию, но более обходными путями. Начнем с того, что некоторые аспекты этих геометрий доступны из науки о бессознательном, и Бодрийяр был погружен в пост-фрейдистскую теорию (Семинары Лакана, Ситуационизм и т.д.). Во-вторых, марксизм имеет в своих корнях близость с еврейскому мессианству, и вполне возможно, что этот потенциал, который был похоронен под десятилетиями традиционализма, начал вновь возникать в теоретической оттепели 1960-х годов. В-третьих, Бодрийяр был под влиянием антропологов (таких, как теория Марселя Мауса о даре), так что он, возможно, таким образом, сталкивался с аналогичными геометриями в, скажем, тлинкит-культурах и экстраполировал из них. Важно отметить, что геометрии, о которых идет речь, не являются геометрией общества кибернетического контроля, они связаны с чем-то, что отрицает это общество.

Пожалуй, самые большие различия между «стандартным академическим Бодрийяром» и «Бодрийяром Мальцева» в том, что версия Мальцева — это реалист и нравственный индивидуалист. Бодрийяр Мальцева считает, что знания могут в некотором смысле относиться к реальному миру, даже если этот процесс обязательно опосредован социально искаженными системами верований, и даже если природа этого мира не похожа на то, что подразумевает позитивизм. Это сильно отличается от обычного взгляда на Бодрийяра, как жесткого конструктивиста, который считает, что все происходит от языка, и все системы верований

одинаково валидны. Бодрийяр Мальцева также имеет практически экзистенциалистскую приверженность к индивидуальной ответственности, которая также сделала бы его вполне желанным среди американских пионеров (хотя, очевидно, не их потомкам). Это далеко от «смерти субъекта», приписываемой Бодрийяру в постструктуральном синтезе, в котором субъект не может нести прямую причинно-следственную ответственность за что-либо из-за его построенного характера или небытия, и в котором индивидуальное человечество патологизировано как нарциссическая иллюзия. (Такие теории, тем не менее, как правило, в конечном итоге оказываются в группе с парадоксальными теориями результативного человечества и этических обязательств, без объяснений как это сделать). Таким образом, Мальцев отвергает две центральные догмы постструктуралистского синтеза: сильный социальный конструктивизм и смерть субъекта.

Нам еще предстоит увидеть, создаст ли эта работа клеветническое возмущение, которое часто сопровождает отклонение от традиционной линии («наивный!», «Очевидно не читал работы!», «традиционалист!», «все еще в ловушке современного рационализма!»). Я слишком осведомлен и предупрежден о таких реакциях, так как очень много раз сам становился причиной таких реакций. Они отражают окончательный парадокс: перспектива, приверженная различным перспективам и формам познания, враждебная любой форме объективности или существенности, которая, тем не менее, функционирует как жесткая ортодоксальность с фиксированными догмами, которые считаются абсолютно верными. У меня также есть свой Бодрийяр, который, на мой взгляд, является близким прочтением его работ, максимально буквальным, но который также, несомненно, включает в себя мои собственные выборы, акценты и де-контатации неоднозначных отрывков. Внимательные читатели заметят, что мой Бодрийяр едва заметно отличается от Бодрийяра Мальцева, хотя оба в каком-то смысле мистические экспрессионисты с радикальной критикой постмодернистской цивилизации. Тем не менее, я считаю, что это жизненно важная работа. Важно, решит ли читатель в конечном итоге, что Бодрийяр Мальцева ближе к работам и/или полезнее, чем стандартная версия Бодрийяра. Сам факт возвращения назад и взгляда на работы, или выхода и тестирования его работ против мира, является радикальным разрывом с обычным некритическим принятием серий гомогенизированных ки-

борго-призрако-клонов, представляющих истину в последней инстанции о том, что имел в виду Бодрийяр. Если эта работа заставит ряд ученых-Бодрийяровцев читать его работы более открыто (начистоту), не подавляя их значение заранее к постструктуральному синтезу или к тому, что они находят привлекательным, и/или как смотрят на некоторые эмпирические области, и будут применять обоих Бодрийяров, чтобы увидеть, какой из них наиболее эффективен, то эта книга будет играть чрезвычайно важную роль, независимо от того, изменит ли свое мнение какой-либо из скептиков относительно Бодрийяра Мальцева. На сегодняшний день, Бодрийяр (и остальные постструктуралисты) похожи на Ленина в могиле, — давно застывший в наборе безжизненных догм, чтобы другие могли строить властные структуры от его имени. Тем не менее, старый Бодрийяр еще не умер, в нем есть еще немного жизни, если бы его только вырвать из этого льда заостренного ортодоксизма. В 1960-х годах, писатели, такие как Бодрийяр (и остальные постструктуралисты) ставили себе задачу раскопать марксизм и психоанализ из-под заостренного ортодоксизма, который возникла над ними. Та же задача нужна самим постструктуралистам сегодня. Нам нужно много Бодрийяровцев, чтобы освободить наследие Бодрийяра от его монологической ассоциации с постструктуральным синтезом.

Написать такую книгу в сегодняшнее время, требует огромного мужества, оригинальной мысли, и готовности поставить свое имя на определение утверждений, которые якобы правдивы, и сделать это таким образом, как не сделают большинство критических ученых. Этот боевой дух экспериментирования, критики, здорового скептицизма, иконоборчества, семантической открытости, тесного взаимодействия с работами или явлениями, а не поспешных поглощений, тоже является духом Бодрийяра. И прежде всего, это тот дух, который так необходим, и которого критически не хватает в сегодняшних научных кругах.

Эндрю Маклаверти-
Робинсон

Мифологема — фундамент сознания и главный фактор формирования менталитета

Когда мы говорим о главном факторе менталитетной системы или структуры сознания, то сознание стоит на мифологемном уровне. Можно было бы представить себе сознание человека как некое 8-этажное здание. Мифологема является фундаментом сознания человека и главным фактором формирования менталитета. Мифологема является одновременно и клеем, который склеивает первые четыре уровня сознания, и средой, где формируются эти четыре уровня, и фундаментом. Почему так? Дело в том, что есть определенные стадии развития личности. Человек не рождается сразу большим и взрослым, он рождается маленьким ребенком. Когда ребенок растет и развивается, на стадии младенчества он, кроме мифологем, ничего не воспринимает,

поэтому детям все передается в сказочной форме, им не читают роман «Война и мир». Сказки формируют мифологемный уровень и некие эталоны героев, к которым человеку нужно стремиться.

Например, почему христианская церковь потерпела крушение? Потому что Христос показал путь на крест, но ни один человек не хочет быть распятым на кресте. Даже в самой религиозной стране, такой как Италия, осталось 15% католиков, и это официальные данные до пандемии. Христос никаким героем для подавляющего большинства человечества не является. Люди хотят видеть другого героя, например, такого как царь Давид — мудреца обладающего безмерной властью и силой.

Мифологемный уровень сознания толкает человека на построение собствен-

ной философии, а далее это порождает убеждения.

МИФОЛОГЕМА — ФИЛОСОФИЯ — УБЕЖДЕНИЯ

В свою очередь, убеждения встречаются с миром и жизнью — происходит некая проверка, насколько философия и убеждения соответствуют действительности. Если они не соответствуют ей, внешняя среда начинает их корезить. Тогда человеку необходимо спуститься до уровня мифологемы и разобраться с ней, а после менять философию и убеждения. И так по кругу.

Когда философия и убеждения человека не соответствуют требованиям действительности, происходит разочарование в жизни. На четвёртом уровне формирования сознания у человека складывается уже полная картина мира, завершается формирование личности, что приводит к понятию судьбы — выбору, будет ли это фатальная роль, как все, или авторитетная, от которой что-то в этом мире зависит.

Кроме того, мифологема порождает уровень специализации, профессии и удовлетворенности человека в жизни, т.е. насколько достижимы его цели и замыслы. Именно на четвертом уровне заканчивается формирование личности и картины мира человека.

Если изначально была выбрана не та мифологема, дальше все уровни будут выстроены не так, как нужно, и необходимо будет спускаться по уровням и полностью все перестраивать. Количество витков неизвестно, и с какой скоростью человек будет менять четыре уровня сознания, не соответствующие действительности, тоже

неизвестно. Можно всю жизнь их перестраивать и так ничего не получится. Здесь важнейшую роль играет **замок интеллекта**: чем ниже у человека уровень интеллекта, тем больше времени понадобится для того, чтобы построить правильно четыре уровня сознания.

Большинство людей ограничены этими четырьмя уровнями сознания. Потому что четыре верхних уровня строятся принудительно, и сам человек их выстроить не сможет. Для этого нужен человек, который обладает знаниями о том, как перестроить данную систему.

Не заменив мифологему, вы не сможете построить другое сознание. Мифологема играет ключевую роль, на ней строится все основное мышление человека. Если она некачественная — жизнь человека фатальна.

Марина Ильюша

Руководитель Научно-исследовательского института «Международное судьбоаналитическое сообщество»

«ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОРПУС» И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДОВ

«Город делает человека тем, кто он есть»

Академик Мальцев Олег Викторович

Исходя из нашей исследовательской деятельности, можно доказательно сказать, что город действительно способен научить человека, при этом многому, как с точки зрения задачи реализации, так и достижения целей. Однако стоит отметить, что для этого необходимо обеспечить условия:

- Должна быть определенная методология, которая позволяет наиболее эффективно исследовать методы города с применением междисциплинарного подхода и превращать данные данные в инструменты для реализации;
- Должна быть специальная научная группа, имеющая соответствующий уровень подготовки и ведущую ис-

следовательскую деятельность по всему миру.

В Научно-Исследовательском Институте Памяти им. Г. С Попова, который я установил, на данный момент выполняются оба эти условия. У нас есть «Экспедиционный корпус» — специальное научное подразделение НИИ Памяти, а также существует четкая методология исследования, которая уже показала свою эффективность в более, чем 30-ти экспедициях по всему миру. В этом случае используется корпус «Экспедиционного корпуса», а также этапы формирования методологии и ее применение в этом исследовании городов, регионов и даже целых.

Научная деятельность по данному направлению в наших научно-исследовательскихтах проводится уже более 20 лет. Однако решение о создании «Экспедиционного корпуса» было принято 6 лет назад в городе Мюнхен. Именно в этой поездке

мы приступили к исследованию городов как неких учебных аудиторий. Стоит отметить это небольшое, но очень интересное открытие, которое в итоге переросло в постоянное научно-исследовательское направление. Исследование Мюнхена началось с самого центра — с Карлсплац, где на одном из центральных зданий стоят корабли. Это показалось нам очень странным, поскольку в самом центре города, в котором нет моря, уже не первый век стоят корабли, а сам Мюнхен пропитан символикой морских традиций.

Мы поставили вопрос на исследование: «Почему Мюнхен сам по себе является неким остальным никому неизвестной международной традиции?». На основании 10-летнего исследования подобного явления по всему миру мною многонационально написана научно-методическая книга «Тень европейского континента» (Мальцев, 2019).

Рассмотрим 3 этапа, которые были пройдены при формировании нашего подхода.

Этап 1. Исследование языка городов.

Для того, чтобы с научной точки зрения изучать города, применяем исследование прикладные исторические методы, необходимые источники. Документы — вещь абсолютно ненадежная, потому что любой документ можно переписать или заведомо написать ложно. Кроме этого, они могут быть сожжены, уничтожены или потеряны. В данном случае здания, как источники, являются более надежными, в силу того, что никто не позволит вам сжечь или разрушить здание в центре города просто так. Символизм этих архитектурных сооружений и язык Европейского мистицизма.

В период изучения архитектуры Мюнхена, которая сообщает с помощью символов,

обнаружена система построения центра города, каждое здание, каждый храм находится на месте, где ему положено. Здесь мы увидели, что система построения города делит город на типы людей. У каждого типа есть соответствующий храм. Они могут ходить только в этот храм и не могут зайти в тот, который им понравился. Кроме этого, в Мюнхене достаточно серьезная градация храмов внутри самого дворянского рыцарского корпуса — от Храма Рыцарей-престохранителей до Храма Повелителей сердец. Это целый рыцарский орден. И каждая ступень этого рыцарского ордена имеет свои задачи в обществе, в жизни и на войне. И самое главное в том, что все эти здания содержат, которая необходима для того, чтобы благополучно жить или иному сословию.

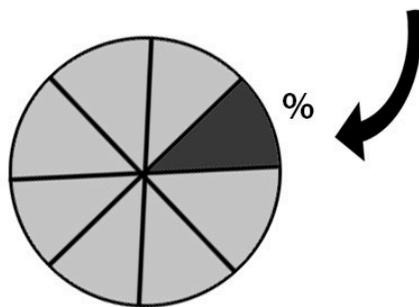
Итак, на первой стадии мы учили язык, разбирались с криминологией, разбирались с другими источниками информации, которые бы нам позволяли проводить исследование. По концепции создана «Экспедиционный корпус», научила читать, писать, получать информацию в сложных условиях, подготовила методологически к работе на территории всего мира. Другими словами, все наши экспедиции по Германии научили нас как учебники. А поскольку Европейским мистицизмом мы занимались уже более 20 лет, то нам было с чем сравнивать. Кроме того, мы нашли этот символический язык в Мексике, в Аргентине, Бразилии, США, Америке, Европе. Другими словами, он идентичен практически на территории всего земного шара, практически во всех регионах.

Этап 2. Город как система тренировки.

Каждый город представляет собой целую систему тренировки для человека, который в него попадает. Идея того, что город может

В НАСТОЯЩЕМ ОСТАЮТСЯ СЛЕДЫ ПРОШЛОГО КАК УСЛОВИЯ ГОРОДА И САМ ГОРОД ВЛИЯЮТ НА РЕТРАНСФОРМАЦИЮ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

ПРИМЕР: ВОСПРИЯТИЕ МАФИИ

ВСЕ ВИДЫ ВОСПРИЯТИЙ
ПРОДОЛЖАЮТ СВОЕ
СУЩЕСТВОВАНИЕ
ОДНОВРЕМЕННО В КАКОМ-ТО
ПРОЦЕНТНОМ СООТНОШЕНИИ

тренировать, пришла ко мне во время моей первой поездки в Палермо.

Палермо — удивительный город. Первое интересное явление, которое я заметил, заключается в том, что в этом районе есть очень странные правила и традиции, которые нам с вами совершенно непонятны. Например, там считается естественным вылить на голову человеку таз с грязной водой. Для меня это было странно, но как ученый я начал разбираться в данном вопросе. Я очень быстро понял. Они видят всё — и наверху, и внизу, и справа, и слева. В результате они вырабатывают в себе такие навыки, чтобы таз на голову им все-таки не вылили.

Второе, что я увидел — это огражденные катакомбы. Это по сути говорит нам еще об одном феномене — мы имеем дело с 3-этажным городом. Был город, он почему-то провалился под землю, на голову этого города поставили второй город, а потом и третий — и это тот город, который мы видим сейчас. На самом деле Палермо — это уникальный, удивительный город, который является бессознательной тренировочной и учебной площадкой для человека.

После долгой работы, у меня родилась решетка, которая является основной для всех городов:

- **Антропологический уровень тренировки**
Например, Палермо тренирует вас смотреть не только по сторонам, но и вверх, и вниз. При этом антропологический уровень в каждом городе будет выглядеть по-своему.

- **Биомеханический уровень тренировки**
В Палермо на этом уровне стоит отметить такую тренировку как «вождение автомобиля», которая учит вас глазомеру и памяти. Улочки в Палермо узкие, они тренируют водителя определять ли он проехать на своем автомобиле. При этом улицы запутанные, поэтому важно уметь ориентироваться в городе по памяти.

- **Психологический уровень тренировки**
В Палермо это отношения между людьми, с государственными властями и с полицией. Это уровень разрешения конфликтов, и Палермо отлично это тренирует.

- **Менталитетный уровень тренировки**

- **Символьный уровень тренировки**

Палермитанские храмы просто потрясающие учебники Европейского мистицизма.

Безусловно, каждый из городов имеет свою решетку уровней тренировки и свои особенности.

Этап 3. Изучение фактической истории города и фактической истории ретрансформации личности в этом городе.

На этом этапе мы изучали феномены в разных частях мира — в Мексике, США, странах Европы и заканчивающейся родной Украиной. По сути именно исследованиями мы заняты сегодня. И здесь нам очень помогли наши исследования криминальных традиций, поскольку это уникальное транспортное средство истории помогало нам восстанавливать фактическую историю города (Мальцев, 2018). Именно криминальная традиция показала нам основной феномен ретрансформации личности.

Данная схема формирования — только пример, который характерен для определенного региона. Любая криминальная традиция — это симбиоз. Криминал существовал всегда в той или иной форме. Рассмотрим принципиальную модель формирования криминала.

«X1» — Исходный эквивалент — это люди, совершившие преступления, люди, которых отправляли на каторгу и т.д. «X2» — начали некоторым моментом времени людьми, которых считать преступниками, стали евреи. «X3» — когда началась эпоха Великих географических открытий, самыми людьми стали пираты. Затем появились другие категории людей — это заговорщики, дворяне, злодеи и так далее. Они в нашей схеме будут — «X4», «X5», «X6». Далее «X1» и «X2» формируют новое поколение — B1, которое является ретрансформацией этих эквивалентов. B2 появляется как ретрансформация X2 и X3, появляется как ретрансформация остальных эквивалентов.

Есть только два крайних эквивалента, которые не подвержены ретрансформации — «X1» и «X6». Все люди, которые оказались в условиях этих двух эквивалентов — от B1 до B5 — вобрали в себя опыт предыдущих поколений. Как такое могло произойти? Очень просто — благодаря власти. Вместо того, чтобы этих людей разъединить, они их соединили, то есть отправили в одно место — в тюрьмы. Евреи дали им самую сильную религию на земле. Пираты научили их биться в самых невыносимых условиях с применением холодного и огнестрельного оружия. «Несогласные» научили их методам конспирации, ухода от полиции и т.д. А революционеры научили их террору, превратили их, по сути, в террористов. Получился серьезный изолиро-

ванный центр подготовки, а кенному моменту тюрьмы стали прекрасными школами подготовки спецслужб. Эти люди впитали в себя весь «деструктивный опыт» всех предыдущих поколений. И им даже предоставили специальные заведения для того, чтобы их подготовить. Именно власть, которая придумала тюрьмы и каторги, создает эти страшные криминальные сообщества, которые живут по настоящий день.

Когда мы смотрим на город, мы видим ту же самую парадигму и мы можем изучать город, его историю, ретрансформацию личности таким методом, получить ту личность, которая сегодня существует в городе. Также может объяснить почему среднестатистический житель этого города выглядит именно так, и ведет себя определенным образом. Причина этой — целая описанная система, которая формировала жизнь человека и его предков на протяжении многих лет и передавала

эти знания на бессознательном в режиме программной судьбы, которую описывал основатель судьбоанализа Леопольд Сонди (Szondi 1956).

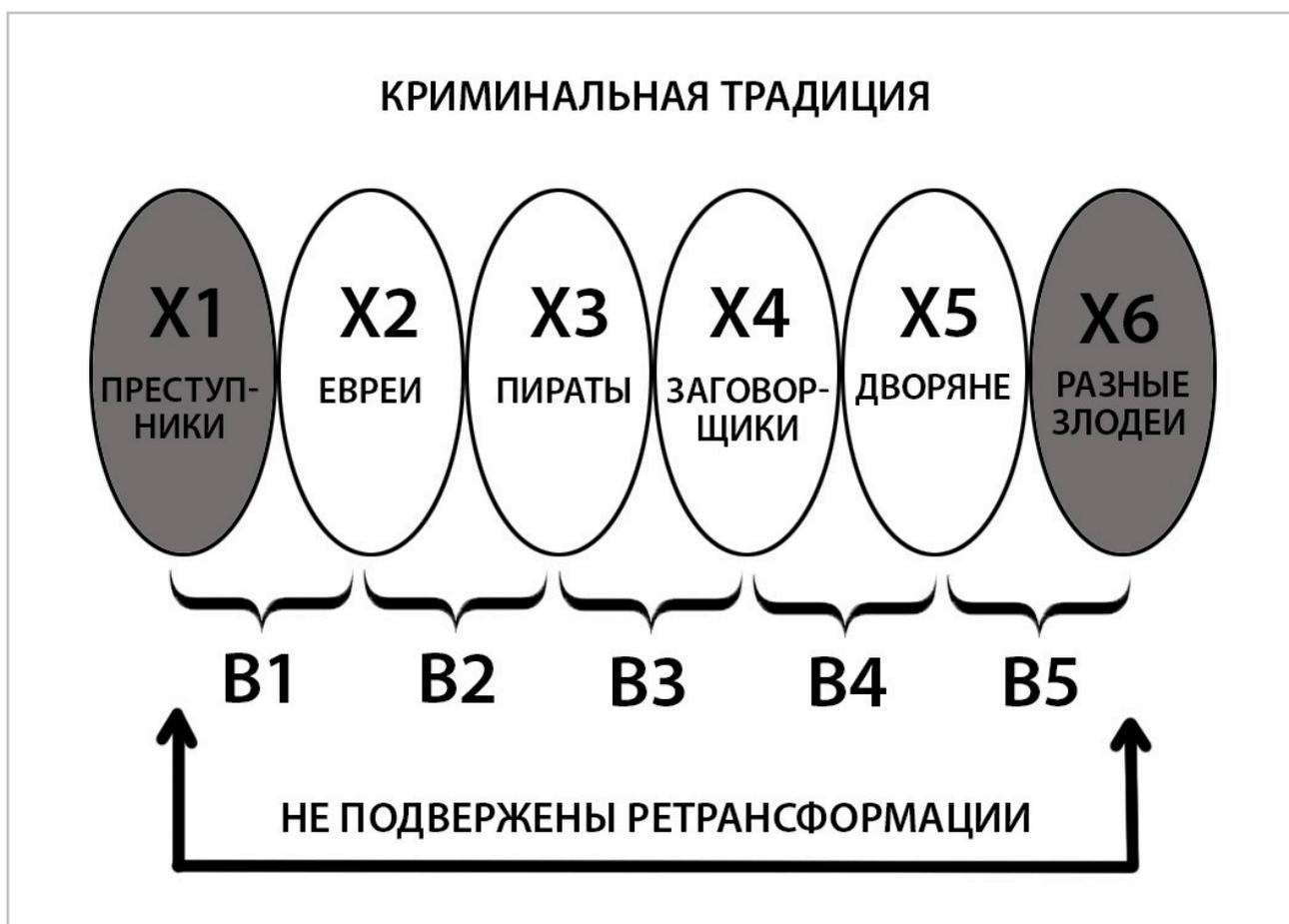
Стоит отметить, что на базе результатов проведенных исследований таких криминальных сообществ, как Ндрангетта, Мафия и Каморра, а также той территории, на которой они родились — Калабрии, Палермо и Неаполя, соответственно — я написал монографию «Философия Юга Италии» (Мальцев, Лунев 2020). В этой книге в том числе был разрешен парадокс Бодрийяра, ключевой тезисом которого является «копия без оригинала», или симулякр. Другими словами, почему люди воспринимают все явления совершенно неверно, и каждый — по-своему. По сути, мы показали причину возникновения симуляции в городе.

Например, существует Мафия в Палермо, которая в разные периоды истории воспринимается по-разному. Восприятие людьми мафии в 12 веке отличается от их восприятия в 13-м, 14-м веке и так далее. Эти типы восприятия попадают в круговую диаграмму. То есть всегда будет обеспечивать определенный процент людей, которые воспринимают мафию как «мафию 12-го века», но есть те, кто воспринимает ее как мафию 13-го века, 14-го и так до 21-го

века. В дополнение к этому, в определенный момент времени Мафия разделилась на американскую и итальянскую, которые различаются. Если мы возьмем двух людей, их восприятие одного и того же явления будет кардинально отличаться, и причина тому — парадокс Бодрийяра.

В заключении отмечу, что перечисленные три этапа показывают подход «Экспедиционного корпуса» к исследованиям. Однако, стоит понимать, что в этом документе сложно описать его комплексно, поскольку каждый этап и каждый используется инструмент использует глубину. Но принципиальная схема такого метода выглядит так:

1. Изучение фактической истории города с использованием безукоризненных источников — архитектурные сооружения, воинское искусство и криминальные структуры;
2. Изучение ретрансформации личности человека специальными методами;
3. Сопоставление данных между собой, с применением экспертной оценки на базе счетно-решающей машины Сонди, расчетная система при помощи счетно-решающей машины Рор-

шаха. Имея интегратор, можно сразу переходить от системы к системам координат, к терминалам и т.д.

Исходя из этих данных можно точно сказать не только, **как город влияет сегодня на человека**. Такой подход применим не только к городу, но и государству. Мы можем охарактеризовать человека, который живёт сегодня в этом государстве, и чего мы будем понимать, с каким типом людей мы имеем дело, и чего от них ожидать. Это и есть **менталитетная составляющая**.

В экспедициях мы используем метод погружения в среду, используемую академи-

ком Григорием Семеновичем, который уже используется в своей профессиональной научной деятельности в режиме полевых исследований (Попов, 1951). В этом случае ученый действительно превращается в человека, проживающего в исследуемом городе, и это крайне непросто. Вышеуказанные специальные методы исследования позволяют решать исследовательские задачи.

Таким образом, «Экспедиционный корпус», доказал крайнюю эффективность и результативность данной методологии.

Олег Мальцев

Академик Украинской Академии Наук, исследователь, психолог, криминолог, основатель НИИ Памяти, руководитель Экспедиционного Корпуса

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Издательство №1

Редактор: Хийску Роман

Тел: +358407352082

E-mail: hiisku.roman@gmail.com

Адрес: Vartiokyläntie 11, 00950 Helsinki

TOIMITUSTIETOLAATIKKO

Julkaistu: №1

Julkaisija: Hiisku Roman

Puh: +358407352082

E-mail: hiisku.roman@gmail.com

Osoite : Vartiokyläntie 11, 00950 Helsinki